

Дарья Донцова

Концерт для Колобка с оркестром

Вдова Тараканова
в мире преступных страстей

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ ЭКСМО

Дарья Донцова
Концерт для
колобка с оркестром
Серия «Виола Тараканова. В мире
преступных страстей», книга 10

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=118882
Концерт для колобка с оркестром: Эксмо; Москва; 2004
ISBN 5-699-05841-9

Аннотация

Ох, не написать ли мне вместо детектива философский роман на тему «Что такое не везет и как с этим бороться?». Не повезло не только мне, Виоле Таракановой, но и моим домочадцам. Поддавшись на уговоры моей подруги Аньки, мы с Томочкой и детьми поехали отдыхать в ее «имение» с поэтическим названием Пырловка. Мало того, что здесь туалет под кустом, душ в автобусе, а газ в баллонах, так я еще умудрилась влипнуть в скверную историю, когда улепетывала от местных собак. А если серьезно, то я имела глупость влезть на чердак чужой дачи и освободить оттуда девушку по имени Мила. Девушка сбежала, а ее ухажер нашел забытый мной на его даче кошелек, а в нем – визитку с Анькиными координатами. Теперь ей и мне кранты. Я бросилась

на поиски подруги, но, кажется, опоздала – Аньку похитили. Надо освободить ее, а для этого следует найти Милу, которая, надеюсь, помнит адрес своего жениха. Но кто же знал, что Мила тот еще подарочек!..

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	37
Глава 4	48
Глава 5	60
Глава 6	75
Глава 7	87
Глава 8	101
Глава 9	114
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Дарья Донцова

Концерт для колобка с оркестром

Глава 1

Бывают ли на свете женщины, которые любят ходить с мужьями в магазин? Поймите меня правильно, я сейчас имею в виду не визит на рынок для закупки овощей на неделю. Вот в этом случае иметь около себя представителя сильного пола очень даже полезно, его можно использовать в качестве тягловой силы. Хотя лично мне Олег мешает даже в супермаркете, слоняться с ним между рядами так же хлопотно, как с ребенком. Едва мы оказываемся в торговом павильоне, Куприна охватывает жажда.

– Есть тут вода? – с раздражением спрашивает он.

Бутылочки с безалкогольными напитками продают в большинстве случаев в противоположном конце зала, поэтому я пытаюсь вразумить «дитяtko» и говорю:

– Погоди немного, ну не бегать же через все помещение туда-сюда.

На мой взгляд, человек, если он, конечно, не слонялся без воды пять дней по Сахаре, вполне способен бороться с жаж-

дой, но у Олега иное мнение по данному вопросу.

– Хочу пить, – как заезженная пластинка, повторяет он.

Решив не потакать капризам муженька, я подхожу к витрине и спрашиваю:

– Рыбу будешь есть?

– Нет, – мрачно отвечает Олег.

– А куриные грудки?

– Нет.

– Тогда, может, котлеты, вон те, из мяса молодых бычков?

Или пельмени, выбирай.

– Ничего не хочу, – тянет Куприн.

– Это сейчас, но уже через два часа ты попросишь поесть.

– Из этого мне ничего не надо.

– А из чего надо?

– Воды хочу!

Ясное дело, что, бросив заниматься закупками, мы рулим в другой конец сигарообразного помещения, и муж с радостным воплем бросается к бутылочкам. Теперь начинается следующий этап: выбор питья. Только что просто загибавшийся от жажды муженек тщательно перебирает пластиковые и стеклянные емкости. Я подпрыгиваю рядом, словно застоявшаяся лошадь. Ну сколько можно! В конце концов мои нервы не выдерживают, и я шиплю:

– Что ты ищешь?

– Воду.

– Вот она, в изобилии.

– Это все не то!

– А какая нужна?

– Кисленькая.

Услыхав последнее слово, я стискиваю зубы и начинаю мысленно заниматься аутотренингом. Спокойно, Вилка, посмотри вокруг, хорошая погода, настал май, светит солнышко, птички поют, не нервничай...

– Пошли отсюда, – громко говорит Куприн.

Я вынырываю из пучины мыслей и удивляюсь:

– Ты не взял воду?

– Нет.

– Почему?

– Эта мне не нравится.

– Вся?!

– Да.

На мой взгляд, если жаждешь пить до судорог, то, не испугавшись перспективы стать козленочком, припадешь к первой же луже.

– Хочу холодной, а здесь только теплая, – продолжал Олег, – где у них холодильник?

Пришлось колесить по залу в поисках ледяной газировки. Куприн наконец-то находит нужный напиток, и тут возникает новая проблема.

– Ты пока походи по рядам, – говорит муж, – а я покурю.

Опершись на тележку, я покорно жду его у дверей. Проходит пять минут, десять, пятнадцать... Обозлившись до край-

ности, я выскакиваю на улицу, вижу там десятерых мрачных мужчин с сигаретами, но Олега среди них нет. Вне себя от возмущения я возвращаюсь в торговый зал и натываюсь на Куприна, который сердито вопрошает:

– Ты где шляешься?

– А сам куда пропал?

– Курил.

– Тебя не было у входа, я только что оттуда.

– Правильно, я подымил и пошел в туалет. Кстати, где тут можно перекусить? Очень есть хочется.

Часа через полтора, когда Куприн попил, покурил, пописал, поел, покурил, пописал, попил, мы наконец-то начинаем закупать продукты. Но теперь от Олега также нет никакого толку, потому что на сытый желудок любая еда кажется мужу ненужной, и он недовольно бормочет:

– Сосиски не хочу, сыр не буду, масло тоже.

В конце концов я топаю ногой и громко заявляю:

– Пойми, за харчами я могу ходить лишь два раза в месяц, изволь спокойно выбрать еду!

Вот тут Куприн замолкает и на все мои вопросы начинает отвечать:

– М-да, м-да, м-да!

Первое время я очень расстраивалась и считала, что мне в мужа достался совершенно невероятный экземпляр, экзотический фрукт, но однажды, маясь у витрин с йогуртами, я увидела пожилую пару, похоже, прожившую в согла-

сии несколько десятков лет. Муж, тыча пальцами в упаковку сырковой массы, спрашивал у супруги:

– Ася, скажи, я это люблю?

У меня мгновенно пропала обида на Олега. Значит, все мужчины таковы.

Но прогулка в продуктовый магазин ничто по сравнению с походом за шмотками. Один раз я с Куприным сходила в торговый центр и зареклась на всю оставшуюся жизнь повторять эту попытку. Потому сегодня, увидев, что градусник за окном показывает двадцать пять по Цельсию, я решила отправиться за летними нарядами одна. Кто бы мог подумать, что в мае у нас начнется такая жара? Я вообще этого не предполагала и теперь в тоске разглядывала вешалки в своем шкафу. Ничего подходящего, правда, есть льняные брюки, но что надеть к ним в пару?

К сожалению, мне, как и многим семейным дамам, приходится изворачиваться, чтобы спокойно заняться собственными делами. Первое, чего вы лишаетесь начисто, выйдя замуж, это свободного времени. Но даже если случайно выдается несколько ничем не занятых минут, большинство из нас по непонятной причине начинает испытывать комплекс вины перед семьей.

Вот и сейчас мне пришлось преодолеть множество препон, прежде чем я оказалась в ГУМе. Сначала я без зазрения совести наврала Олегу. На его вопрос: «Ты куда собралась?» – я без промедления ответила:

– В издательство, надо поговорить с редактором, у Олеси Константиновны, как всегда, масса вопросов.

– В воскресенье? – удивился Олег.

Я прикусила было язык, но поздно, одна ложь неминуемо тянет за собой другую.

– Да, в выходной. В понедельник рукопись нужно сдать.

– Ладно, – покорился Олег, – посижу один.

На секунду мне стало стыдно, но тут он добавил:

– Или сходим с Семеном в баню!

Я возмутилась:

– Оставь Сеню при Томочке, они очень редко видят друг друга.

– Должны же мы с ним отдыхать, – парировал муж и пошел складывать в сумку вещи, которые он обычно берет с собой в парилку.

Я же побежала к входной двери, предвкушая шопинг.

Через два часа примерок я, устав, словно раб на галере, доползла до кафе и плюхнулась на стул. Результатом утомительного похода стала розовенькая футболочка. Во всех отделах на вешалках висело безумное количество вещей. Войдя в торговый зал, я радостно заулыбалась, но уже через пару минут приподнятое настроение испарилось. Да, одежды полно, и на первый взгляд она кажется восхитительной, но стоит начать примерку, как становится ясно: одно не подходит по фасону, второе по цвету, третье по качеству. Если же вещь сидит великолепно, то отпугивает цена. Ей-богу, легче

разгрузить состав с углем, чем купить джинсы.

Получив чашку отвратительного капучино, я стала бездумно разглядывать людей, заполнивших зал. Внезапно мой взгляд упал на красивую блондинку в бирюзовом брючном костюме. На секунду меня ущипнула зависть. Интересно, где люди находят такие классные вещи? Который час хожу по магазину, а ничего подобного не видела! Словно почувствовав мой взгляд, женщина повернула голову, и я воскликнула:

– Аня!

– Вилка! – раздалось в ответ.

Блондинка схватила свою чашку с кофе и ринулась к моему столику.

– Аня, – не выдержала я, – ты так классно выглядишь. Извини, но последний раз, когда мы виделись, ты... э...

– Была похожа на старую тряпку, – весело закончила Аня. – Понимаешь, я развелась с мужем и теперь снова цвету и пахну.

– А еще ты, похоже, потеряла десять килограммов, – не успокаивалась я.

– Девять, – кокетливо уточнила Аня, – при этом, учти, без особых усилий. Просто принимала лекарство под названием «Ксеникал». Скушала обед, ам таблеточку, и весь жир, который поступил в организм, – исчез! Просто и здорово.

– Да уж, – покачала я головой, – небось не слишком полезно, вон сколько сейчас всего для похудения продают, в любом киоске навалом капсулы лежат.

Аня вытащила зеркало:

– Я просто замечательно выгляжу. Да, согласна, всяких шарлатанских средств полно, но для их покупки не нужна консультация доктора, а «Ксеникал» прописывает врач. Уж поверь, я-то не дура и вредить себе не стану, знаешь ведь, как трепетно отношусь к своему здоровью. Кстати, хочешь попробовать? У меня теперь таблетки всегда с собой. Хотя тебе-то зачем? И без лекарств похожа на грабли.

Я усмехнулась, да уж, дожидаться комплимента от Аньки безнадежное дело.

Обрадованные встречей, мы стали делиться новостями. Сначала радостными. Я похвасталась только что вышедшей книжкой и купленной футболкой, Аня рассказала о повышении оклада, потрясла передо мной приобретенной сумкой. Затем мы стали перечислять неприятности.

– Все хорошее имеет обратную сторону, – вздохнула Аня, – вот, купила я новую квартиру, без отделки, теперь начала ремонт. Думала, наивная Чебурашка, что смогу жить при этом там же – ну, рабочие в одной комнате возятся, в другой моя раскладушка стоит. Ан нет, находиться в доме просто невыносимо: шум, запах, сырость. Ума не приложу, куда деваться.

– Сними квартиру.

– Так на три месяца никто приличное жилье не сдает, – пожалала плечами подруга, – а то, что предлагают, лучше не смотреть, чистый шалман!

– У нас тоже напряг вышел, – я подхватила тему, – давно хотели купить дачу, деньги собрали, но тут Сеня взялся за создание нового проекта, и все накопления ухнуло в бизнес. Значит, предстоит снова снимать домик, Никитку-то нельзя оставить летом в городе, ребенок попросту задохнется.

– Так в чем проблема, купи газету объявлений, – посоветовала Аня, – предложений полно.

– У нас слишком много требований, – горестно ответила я. – Первое, чтобы имелись все удобства, ребенок, сама понимаешь, нужно постирать, приготовить. Второе, дом должен находиться недалеко от Москвы, чтобы можно было спокойно ездить на работу. Третье, хочется леса, озера, красивого вида... Сколько искали, не нашли, за разумную цену, естественно. Коттедж по пять тысяч долларов в месяц нам совершенно не по карману.

– Слушай! – подскочила Аня. – Нас просто вместе господь свел. У меня есть полдома в ближайшем Подмосковье. Четыре комнаты, кухня, веранда. Места изумительные, деревня в лесу, воздух упоительный, газ, вода, сортир – полный комплект. Мебель, правда, старая, но очень приличная. Я дам вам ключи, живите все лето и радуйтесь. До столицы езды оттуда пятнадцать минут, электрички всегда останавливаются, а если вы на машине, то вообще классно, птицей по шоссе летать станешь. Райское местечко, недалеко от дороги, но в лесу. Станция в двух шагах, а тихо. Сейчас же едем ко мне за ключами.

– Неудобно как-то, – попыталась я сопротивляться, – ты же можешь сдать домик. Знаешь, сколько сейчас за такой просят?

– Противно мне посторонних пускать, – пояснила Аня, – а вы свои. Сколько лет мы с тобой дружим?

Я быстро произвела в уме расчеты.

– Лучше не вспоминать.

– Точно, – вздохнула Аня.

– И все равно мне неудобно пользоваться твоим гостеприимством! Бесплатно!

– Вы мне тоже можете помочь.

– Каким образом?

– Совершим бартерную сделку, – прищурилась Аня, – вы на конец мая и лето в мою деревеньку, а я на это же время поселюсь у вас в одной из свободных комнат. К сентябрю ремонт закончится, и все вернется на круги своя. Идет?

– Идет, – обрадовалась я, – а почему ты сама не хочешь на воздухе пожить, если дача близко от Москвы, можешь спокойно на работу ездить!

Аня сморщилась.

– Мне принадлежит лишь половина дома, с отдельным входом и пищеблоком, в другой части живет мой бывший супруг Альфред. Сама понимаешь, как мне охота с ним встречаться.

– Ты же вроде упомянула, что дача досталась тебе в наследство от родителей, при чем тут тогда муж, да еще поки-

нутый? Разве он по закону имеет право на то, что завещала тебе мама?

– Мы с ним поменялись.

– В каком смысле?

– В прямом, – усмехнулась Аня. – Альфред не стал претендовать на мебель и квартиру. Выписался без писка из нашей «однушки», сказал, что давно хотел жить на воздухе. Впрочем, ему на работу не надо ходить каждый день.

– Он у тебя вроде редактор, – я попыталась вспомнить мужа Ани.

Моя подруга практически нигде не показывалась с супругом, и я видела его всего один или два раза.

– Ага, – хмыкнула Аня, – а еще поэт и музыкант. Страшное дело! На службу является по вторникам, в остальное время кропает гениальные вирши.

– Один рабочий день в неделю? – изумилась я. – Небось зарплата невелика.

– Вообще никакой, – мотнула головой Аня, – две копейки.

– За счет чего же он живет?

– Раньше я его содержала, теперь не знаю, – сказала она.

– Наверяд ли Альфреду понравится, что мы к нему в дом приедем, посторонние.

– Ему наплевать, он и не заметит никого.

– Ты уверена?

– Совершенно точно, не волнуйся. Фредька, – затараторила Аня, – жуткий скряга, он на две копейки способен ме-

сяц прожить, вечно меня куском яблока попрекал. Но к вам-то он привязываться не станет. А в быту Фред совершенный пофигист, хоть музыку на всю катушку врубай, хоть ори дурниной или циркулярной пилой орудуй, ничего не скажет. Он, когда свои стишки сочиняет, ничего вокруг не замечает. А поскольку творческий процесс у него ни на минуту не прерывается, то никаких претензий Фредька к вам иметь не будет. Ладно, хватит толочь воду в ступе, поехали сначала ко мне, я возьму сумку со шмотками и отдам тебе ключи, и двинем к вам.

Не успела я ничего возразить, как Анька мгновенно подхватила меня со стула, дотащила до своей машины и привезла на новую квартиру. Пока она быстро запихивала в сумку вещи, я стояла, зажав уши руками. Подруга права, жить в подобной обстановке просто невозможно. Кажется, то, чем занимаются сейчас тут рабочие, называется «штробить стены».

Через неделю я, Кристина, Томочка и Олег подъехали к небольшому указателю на развилке. За нами катил Семен в джипе, до отказа набитом вещами. Думаю, многие из вас хоть раз в жизни да переезжали на дачу, поэтому вы очень хорошо знаете, каково собираться на три месяца за город, а уж если еще при этом имеете на руках крошечного ребенка... Десятки сумок, сотни узлов, шеренги коробок. Еще хорошо, что сейчас в нашей стране нет проблем с продуктами, а то в прежние времена приходилось еще тащить с собой

банки тушенки, упаковки макарон, пачки масла.

– Пырловка, – прочитал Олег, – нам сюда?

– Ага, – подтвердила я, – она самая.

– Поэтичное название, – восхитился Куприн, – звучит, как песня! «Вы где живете? В Пырловке». Интересно, как называют себя местные жители: он пырловец, она пырловка?

– Нам же здесь не всегда обитать, – резонно заметила Тамарочка, – и потом, не все ли равно, как кого звать, главное, лес вокруг и до Москвы рукой подать.

– И куда теперь? – спросил Куприн.

– Наверное, влево, – сказала я.

– Адрес есть? – разозлился Олег. – Или мы приехали неведомо куда?

– Улица Интернациональная, дом семь, – сообщила Точка.

Мы свернули было на проселочную дорогу, и тут Олег заявил:

– Вылезайте из машины и топайте пешком.

– С какой стати? – возмутилась я.

– Много вас, сейчас днищем по гравию заскребу, впрочем, Никитку можете оставить, – ответил Куприн.

– Собаку Дюшку тоже вытаскивать? – поинтересовалась я. – Она разъелась до пятнадцати килограммов, и небось это под ее весом «жигуль» просто перекосялся!

Но Олег не заметил моего ехидства.

– Да, – кивнул он, – бери Дюшеса, пусть лапы разомнет!

Переглянувшись, мы с Томочкой пошли по дороге, Кристина бежала впереди.

– Здесь всего две улицы, – закричала она, – эта называется Октябрьская, а та, за синим домом, Интернациональная.

– Хорошо, – кивнула Томочка, – сейчас разберемся.

– А не надо, – заорала Кристина, – мы уже пришли! Этот дом, синий, нам и нужен.

Мы с Томочкой уставились на крепкую деревенскую избу, обшитую вагонкой цвета берлинской лазури. Маленькие окошки украшали резные наличники. В неухоженном дворе буйно росли какие-то желтые цветочки. Чересчур теплая для мая погода стоит уже десять дней, и растения, решив, что настало лето, бурно полезли из земли к солнцу.

– Смотрите, вполне симпатично, – осторожно заметила Томочка, – похоже, нам в эти ворота, левые.

– Почему? – нахмурился Олег.

– На них нарисована цифра «семь», – объяснила Тома.

– На соседних то же самое, – начал спорить Куприн.

– Там «семь а», – спокойно возразила подруга.

Дальнейшие события разворачивались быстро, словно в мультфильме. Дверь отперли мгновенно, и пока мужчины затаскивали вещи, мы с Тamarочкой осмотрели помещение. Комнаты оказались маленькими, квадратными и даже уютными. Мебель тут, как, впрочем, и предупреждала Аня, была старой, но вполне чистой. На стенах висели незатейливые картины: пейзажи средней полосы. Очевидно, хозяева,

не мудрствуя лукаво, просто купили полотна у ближайшей станции метро за скромные деньги. Но почему-то яркие картинки не раздражали, может, потому, что они не претендовали на «нетленку».

– Даже занавески есть, – радовалась Томочка, – и ванная, смотри, хорошая, совсем новая.

– Мы поехали, – крикнул Сеня.

– Куда? – удивилась я.

– На работу, – хором ответили мужчины.

– Сегодня воскресенье, – сурово напомнила я.

Олег и Сеня переглянулись.

– Полноценные выходные для нормальных людей, – сообщил Куприн, – а у нас с Сеней вечная круговерть.

– Да, – быстро подхватил тот, – ни на минуту руль из рук выпустить нельзя.

– И потом, мы вам просто помешаем, – завел Олег, – что-нибудь не туда положим или поставим...

Я раскрыла было рот, но наши мужчины уже опрометью бросились к дороге. Две машины взревели моторами и скрылись из виду.

– Знаешь, – хихикнула Томочка, – иногда мне кажется, что у Сени и Олега не так уж много дел на работе, просто им неохота сидеть дома.

Я промолчала, хотя в глубине души была согласна с подругой. На службе вполне можно отдохнуть, попить чаю, кофе, поболтать с коллегами. И вообще, если бы все мы вкалы-

вали, не отрываясь, положенное время, то уже давным-давно обогнали бы по уровню жизни Объединенные Арабские Эмираты.

Глава 2

Утром внезапно кончилась вода. Я тяжело вздохнула и оставила в сторону кастрюльку с остатками слегка подгоревшей геркулесовой каши.

– Воды нет, – пригорюнилась Томочка.

– Вижу, – ответила я.

– Интересно, надолго отключили?

Я вытерла руки.

– Пойду спрошу у соседей, часто ли тут подобное случается или только в честь нашего приезда?

Во дворе пахло чем-то замечательным. Я вдохнула воздух полной грудью и ухватила за корявую березу, росшую прямо у крыльца. Организм, приученный к городскому смогу, «отравился» деревенским кислородом, у меня закружилась голова.

Я села на ступеньку и пару минут тупо смотрела перед собой. Издательство ждет новую книгу, редактор Олеся Константиновна уж пару раз звонила писательнице Арине Виоловой и мягко спрашивала:

– Виола Ленинидовна, как работа продвигается?

– Семимильными шагами, – бодро врала я, тем временем поглаживая стопку абсолютно чистой бумаги. В голове у меня не было ни одной конструктивной мысли, муза улетела прочь. Вчера, раскладывая вещи, я подумала, что тут, в де-

ревне, на свежем воздухе, я наконец-то быстренько навалю захватывающую историю, но, оказывается, кислород просто сшибает с ног, а в абсолютной тишине, которая сейчас царит в поселке, возникает не прилив вдохновения, а безудержное желание спать.

– Ну и почему воды нет? – высунулась из окна Томочка.

– Сейчас узнаю, – пообещала я, с неохотой встала и вышла за калитку.

Перед глазами распростерлась дорога из высохшей глины, по бокам ее стояли покосившиеся развалюшки разной степени обветшалости. На ближайшем ко мне огороде мелькало туда-сюда яркое пятно. Женщина, еще молодая, одетая в красное платье, сажала на грядку какие-то кустики. Мне, человеку городскому и патологически не разбирающемуся в ботанике, было неясно, во что потом должен превратиться тонкий стебелек с двумя листочками: в помидоры, огурцы или болгарский перец.

– Простите, пожалуйста, – крикнула я.

Женщина выпрямилась.

– Здравствуйте, – вежливо сказала я.

Соседка кивнула:

– И вам добрый день. Дачку сняли на лето?

– А как вы догадались?

– Просто, – улыбнулась она, – Аня последний раз месяц назад наезжала, мы поболтали немного, а потом она сказала: «Хочу я, Ленка, дачников пустить, не будешь ругаться?» А

мне какое дело? Дом ее. Конечно, если сумасшедшие придут, вот как к Колесниковым в прошлом году – целыми днями спали, ночами гуляли, шашлык в три утра жарили, песни орали, тогда неприятно. А нормальные люди разве помешают кому, надо же ребенка на воздух вывезти. Да у нас в каждом доме, почитай, у всех жильцы. Этим и живем. Кое-кто специальные избушки для сдачи построил...

Лена говорила и говорила, монолог затянулся, и я решительно прервала его.

– Скажите, воду надолго выключили?

Она вытаращила глаза.

– Ты о чем?

– У нас из кранов вода не течет. Здесь это часто бывает?

Лена хихикнула.

– Водопровод, говоришь, накрылся? А ты туда воду наливала?

Я удивилась.

– Куда?

– Так в бак.

– Какой?

– А вон в тот.

Пальцем Лена ткнула в сторону нашего дома.

– Глянь наверх.

Я уставилась на крышу, увидела на ней серый, довольно высокий цилиндр и начала потихоньку въезжать в ситуацию.

– Погоди, погоди... Так общего водопровода тут нет?

– Не-а.

– Но в доме висят раковины, на кухне и в ванной.

– Правильно, у нас многие так сделали, это очень удобно.

Натаскают воды, залиют в бачок, а потом пользуются ею аккуратноненько.

Я тяжело вздохнула.

– И где ее берут?

– Воду?

– Да.

– Так в колодце, вон там, на пригорочке, видишь? Хватай ведра и иди.

– Вот ведер мы не привезли.

– Ну и дуры.

– Верно, только Аня сказала, что в доме водопровод есть.

– Так она не соврала, есть и кран, и раковина...

– Воды только нет.

– Принесешь, и будет.

– Скажите, а где тут можно ведро купить?

Не говоря ни слова, Лена повернулась и исчезла за дверью ветхого сарайчика. Я осталась в некотором недоумении. Как понимать поведение соседки? Мне следует идти домой? Аудиенция закончена?

Не успела я сообразить, что делать, как Лена вынырнула наружу, за собой она тащила невиданную мною доселе конструкцию: огромный бидон, прикрепленный к двум, похоже, оторванным от детской коляски колесам. Сооружение име-

ло длинную ручку, заканчивающуюся металлическим полукольцом.

– На, – сказала Лена, – пользуйся, у меня еще две таких есть.

– Это что?

– Баклажка, – терпеливо просветила Лена неразумную городскую жительницу, – в нее сорок литров аккурат входит. Васька, муж мой покойный, смастерил. Золотые руки имел, только пил сильно, вот и окочурился не в свое время. Да не о нем речь. Ведрами ты не наносишься, на втором походе свалишься, руки из плеч выдернутся. А с баклажкой милое дело. Смотри, поднимешься в горку, нальешь бидон доверху, крышку закроешь и тащи за собой до дома, никаких проблем, сам поедет.

– Ой, спасибо.

– Так не за что, – пожала плечами Лена, – мне барахла не жалко.

Полная энтузиазма, я бодро добежала до колодца, открыла пустой бидон, стала медленно вращать изогнутую железную ручку. Цепь начала разматываться, ведро, покачиваясь, поехало вниз. Вытащить его наружу уже полным оказалось не так легко, но далее предстояла совсем уж трудная задача, мне надо было перелить воду в баклажку. С первого раза это не получилось, со второго – дело пошло лучше, на третьем ведре в руках появилась уверенность.

Ощущая себя необыкновенно сильной и ловкой, я закру-

тила крышкой наполненный под горлышко сосуд, повернулась к нему спиной, ухватила железное полукольцо и попыталась сдвинуть конструкцию с места. Получилось это не сразу, минут пять я пытала, пробуя справиться с повозкой, потом вдруг неожиданно легко потянула ее за собой: один метр, другой, третий... С каждым шагом баклажка сама набирала скорость, и в конце концов моя рука не выдержала тяжести и согнулась. Железное полукольцо уперлось в спину. Тут только до меня дошло, что происходит. Колодец находился на пригорке, причем довольно высоком, я сейчас иду под откос, и неподатливый бидон, который тащит вниз сила то ли тяжести, то ли инерции, простите, я плохо разбираюсь в физике, движется все быстрее и быстрее.

Я попыталась остановить тележку. Куда там! Мой вес сорок семь килограммов. Железная водовозка намного тяжелее меня, никаких шансов справиться с ней нет, остается лишь одно – хоть как-то притормозить.

Сначала я решила схватиться за близстоящее дерево, однако не успела уцепиться за ствол. Потом принялась упираться ногами в землю, но тщетно. Пришлось бежать под гору, бидон неотвратно настигал, в конце концов он сшиб меня, и я, сама не понимая как, оказалась на нем верхом. Что я испытала, несясь с бешеной скоростью по кочковатой тропинке, поймет лишь тот, кто катился с высокой горы на абсолютно гладком снаряде, не имеющем ни руля, ни тормозов. У меня парализовало голосовые связки.

Взметая тучи пыли, я вынеслась на дорогу, увидела сбоку какую-то огромную черную махину, зажмурилась, потом открыла глаза и завизжала. Навстречу мне стремительно летел наш забор, хорошо, что он состоял из насквозь прогнивших досок. Крак! Мы с баклажкой, проломив в ограде огромную дыру, влетели во двор, пропахали еще пару метров и вломились в стену дома. От удара я свалилась прямо в заросли непонятного растения, остро пахнущего редькой. Бум! Сверху, с подоконника, упал радиоприемник, привезенный Томочкой из города.

– Эй, – свесилась из окна подруга. – Господи, что случилось?

Она произнесла еще какую-то фразу, но та потонула в грохоте. Мимо обрушившегося забора с ревом проехал грузовик. Мне стало страшно. Вот какую черную махину я видела сбоку, когда неслась на неуправляемой баклажке. Хорошо, что шофер, заметивший «всадницу», успел притормозить, иначе бы...

– Эй, – надрывалась Томочка, – да что случилось? Кто пришел? Зачем вы забор сломали? Чей это бидон?

– Все в порядке, – пробормотала я, сгребая в кучу руки и ноги, – все просто великолепно, я привезла нам воды.

– Вилка, – ужаснулась Тамарочка, – о боже! Ты расшиблась насмерть?

– Глупости, – рявкнула я и выпрямила дрожащие ноги, – ничего особенного не произошло, случилось в моей жизни

и кое-что похуже.

Решив проблему с доставкой воды, я перешла к следующей задаче: каком образом наполнить находившийся на крыше бачок? Пришлось снова звать на помощь Лену.

– Эка ерунда, – спокойно сказала соседка. – Одна из вас внизу воду наливает, другая наверху на крыше сидит и ведро за веревку втягивает. Всего и делов-то, лапа.

Мы поблагодарили Лену за науку и угостили приветливую соседку чаем. Выкушав три чашки, она размякла и сказала:

– Избалованные вы, городские, мало на что пригодные. Привыкли в комфорте жить. Что делать станете, коли в Москве электричество разом отключат или воду, например? Молчите? То-то и оно. Ни в жисть вам ведро на крышу не впереть. Ты, Вилка, ступай по нашей улице до конца, там, на повороте к шоссе, халабуда стоит. В ней Мишка живет, договорись с ним, он парень безработный, не гордый, возьмется помогать, будет вам воду таскать и бак заливать, дров нарубит.

– Дров? – изумилась Томочка. – Зачем?

– Печку топить, ночами-то холодно, простудите мальчишку, – вздохнула Лена.

– В комнатах батареи есть, – осторожно сказала я.

– Ага, – кивнула Лена, – у всех так, только центрального отопления у нас нет, только от печи тепло, усекли?

Я кивнула и пошла искать Мишку.

Участок его пребывал в еще большем запустении, чем

Анин, помимо сорной травы, тут росли какие-то чахлые ку-
сты, маячили остатки садовой скамейки и самая разнообраз-
ная садовая утварь.

– Миша! – крикнула я.

Никакого ответа не последовало. Я осторожно потянула
на себя дверь хлипкого домишки.

– Есть тут кто? Ау, отзовитесь!

В нос ударил неприятный запах затхлости и перегара.
Комната, в которую я заглянула, была настолько загажена,
что жить в ней отказалась бы даже крыса. Быстро захлоп-
нув дверь, я в задумчивости села на крыльцо. Хозяин, ско-
рее всего, пьян, небось лежит где-нибудь в канаве. Наверное,
надо забыть про бачок на крыше. Поставим баклажку у по-
рога и будем брать потихоньку оттуда воду черпаком. Мыс-
ленно решив трудную задачу, я захлопнула дверь и решила
идти домой.

– Мишку ищешь? – прошелестел тихий голосок.

Я оглянулась и вздрогнула.

Из домика высунулось существо непонятного пола, то ли
старик, то ли старуха, замотанное, несмотря на жаркий день,
в рваное драповое пальто с облезлым меховым воротником.

– Мишку ищешь? – повторило бесполое создание.

– Да.

– А он к дачникам попер, – закашлялось оно, – небось
хочет у них на бутылку сшибить.

– Это далеко?

– По тропинке ступай, к оврагу.

Я пробежала с десятков метров и налетела на нечто похожее на деревянную трансформаторную будку. При ближайшем рассмотрении мне стало понятно: экономный строитель возвел ее из старых шпал. Куски грязной пакли свисали из щелей, но единственное окошко оказалось чисто вымытым, и на нем висели занавески в красно-белую клетку.

Я постучала в дверь. Она распахнулась, на пороге появилась молодая женщина в ярком ситцевом халатике.

– Вы кто? – спросила она.

– Ищу Мишу, вашего хозяина.

– С какой стати ему тут быть?

– Извините, пожалуйста, но в домике, том, что у ворот, маленький странный человечек сказал, что он к вам пошел.

– Это баба Нюра, – усмехнулась дачница, – мать Мишки. Да, прибегал он, на бутылочку просил, в долг. Только, конечно, я не дала, Мишке не с чего взятое возвращать, а я не настолько богата, чтобы деньгами разбрасываться. Ушел он.

– А куда?

– Вот уж этого не скажу, – пожала плечами дачница, – мне без разницы, где этот пьяница шляется, своих забот хватает.

– Простите.

– Ничего, – спокойно кивнула она и захлопнула дверь.

Пришлось идти назад, но, очевидно, сегодня был не мой день, потому что, сделав пару шагов, я споткнулась о валявшийся шланг и, не успев вскрикнуть, рухнула в кусты, рас-

тушие вокруг. Думаю, не следует сообщать, что неведомые растения оказались усыпаны острыми колючками?

Взвизгнув, я попыталась встать, но сильно оцарапалась. Сообразив, что шипы щетинятся лишь на верхней части веток, я решила просто вылезти из зарослей, заработала руками и ногами, преодолела по-пластунски некоторое расстояние и оказалась на свободе, но не со стороны тропинки, а с другой, там, где раскинулся овраг. Чертыхаясь, я осторожно приняла вертикальное положение и глянула вниз. Не хватало только упасть в эту грязную яму. Отвесные стены из глины сбегали к канаве, забитой всяким мусором. Очевидно, местные жители использовали овраг вместо помойки. Сейчас там валялась гора хлама: доски, пустые упаковки, рваные пакеты, ботинки, брюки... Пойдите-ка! Штилеты и джинсы не сами по себе, они надеты на мужчину, который преспокойно спит на горе объедков. Похоже, Мишка найден.

– Эй, проснитесь!

Никакого ответа не последовало.

– Миша, хочешь выпить?

Неожиданно парень зашевелился и сел.

– Кто орет? – поинтересовался он вполне трезвым голосом.

– Хочешь выпить? – снова предложила я.

– Давай.

– Сначала поработать надо.

– Делать чего?

– Бак на крыше водой налить.

– Ща, в пять минут.

Алкоголик ловко, словно кошка, вскарабкался наверх. Вблизи он оказался совсем молодым, красивым парнем. Белокурые волосы, голубые глаза, слегка курносый нос. Вот только шевелюра была не мыта, скорей всего, с Нового года, а красные веки моментально выдавали пьяницу.

– Тебе сколько лет? – поинтересовалась я.

– Восемнадцать, – охотно ответил Миша, распространяя вокруг крепкий запах алкоголя, – осенью в армию пойду, пить брошу, на шофера выучусь. Армия людям путевку в жизнь дает.

– Хорошая перспектива, – кивнула я, – значит, так, если ты берешься нам каждый день привозить воду и наполнять бак на крыше, то получишь деньги. Только не сразу, а в конце лета, всю сумму целиком заплатим, иначе пьянствовать начнешь.

Миша хмыкнул.

– Так какая разница! Пропить все сразу или по частям?

Но во мне, все детство прожившей в среде алкоголиков, не к месту проснулся Макаренко.

– Нет. Деньги в конце лета.

– А не обманешь?

– Никогда.

– Ну, – протянул Миша, – я так не хочу. Ходи, ломайся, а рубли неизвестно когда получу!

– Ладно, – сдалась я, – пошли, нальешь бачок, «отстегну гонорар»!

– Не, – замотал грязной головой Миша, – я лучше спать пойду, ты меня точно обманешь! Стану корячиться и получу фигу!

– Наполнишь бак, – рассердилась я, – дам тебе двадцать рублей.

– Сколько?

– Два червонца.

– Иди ты на ...! – с чувством произнес пьяница. – Нашла дурака. У нас за такие деньги никто даже не чихнет. Ты хоть в курсе, сколько хорошая водка стоит?

– Послушай, – окончательно разозлилась я, – ты небось самогонку глотаешь.

– Не-а. У нас ее никто не гонит.

– Да? – удивилась я. – А почему?

– Лень, – спокойно ответил Миша, – вымирает деревня, мужики выродились, ничего делать не умеют, бабы коров не доят, огороды большие не копают, в магазинах все покупают. Спились напрочь. Страх берет, что со страной будет, тут реформы нужны.

– Может, тебе в Думу баллотироваться? – фыркнула я. – И потом, зачем других осуждаешь, сам-то тоже за воротник заливаешь.

– Не, я совсем даже не алкоголик, – не согласился со мной парень, – просто гуляю. Вот из армии вернусь, стану шофе-

ром...

– Это мы уже слышали. Сколько хочешь за работу?

– Пятьсот, – выпалил Мишка, – за один раз.

Потом подумал и добавил:

– Рублей.

– Спасибо за разъяснение, – воскликнула я, – а то я уж подумала, что ты в долларах сумму назвал. Мне это не по карману, иди в овраг спать.

– Давай сто рублей.

– С какой стати?

– Ага, – заныл Мишка, – разбудила, с места сдернула, перебаламутила, теперь меня бессонница замучает.

– Ничего, до ночи далеко.

Продолжая мило беседовать, мы шли по едва заметной тропинке вперед. Внезапно Миша, занудно повторявший: «Дай стольник», – выкрикнул:

– Ну, падла! Поймаю, руки откручу и башку поотшибаю!

– Ты это кому грозишь? – вышла я из себя. – Совсем обнаглел! Ступай в свой овраг и спи в помойке. Нечего за мной плестись. Теперь точно тебе ничего не отломится. А если еще раз меня испугать решишь, в милиции окажешься.

– Ничего я не грозил, – пояснил Миша, – во, видишь, камень валяется? В бумагу завернутый?

Мои глаза пошарили по дорожке. Действительно, на утрамбованной траве лежало нечто похожее на комок смятой газеты.

– Хорошо, что промахнулся, – вздохнул Миша, – а в прошлый раз я шел тут, так мне булыжник в живот угодил, чуть не убил! Такой синяк остался. Ну, Федька, гад! И чего я ему сделал? Мы небось год не разговаривали!

– Ты о чем?

Миша ткнул пальцем вбок.

– Видишь?

– Что?

– Ну вон там изба стоит?

Я повернула голову влево и увидела небольшой сарайчик зеленого цвета.

– Там Федька живет, – пояснил Миша, – бирюк он, всех людей ненавидит, ни с кем знаться не желает, поэтому и поселился здесь. Вот по этой тропинке мы за водой ходим. Я, тетя Клава из двадцатого дома, Верка... Тут быстрее получается. А Федьке не нравится, что мимо него шастают, он дорожку своей территорией считает, вот камнями швыряться стал, чтобы нас отвадить. Хорошо хоть в голову не попал, урод. Пойти бы ему морду начистить, да только страшно! Федька ведь и отомстить может.

Пока он возмущался, я разглядывала комок газеты. Интересно, зачем этот Федя заворачивает камни в бумагу? Вот уж странно! Однако он эстет! Впрочем, может, никаких булыжников и нет?

Не в силах сдержать любопытство, я нагнулась и подняла «метательный снаряд». Он оказался не слишком тяжелым.

Самый обычный клубень картофеля, обернутый в обрывок популярного издания. Я расправила неровно оторванный кусок бумаги и увидела на полях криво сделанную надпись: «Помогите, убивают, Мила».

Глава 3

Ведро на крышу мы с Томочкой втаскивать не стали. Оставили баклажку стоять у крыльца и решили просто брать оттуда нужное количество воды черпаком. Но вскоре эта проблема отошла на второй план, потому что появилась новая забота.

– Послушай, – протянула Тamarочка, – где тут туалет?

Я пожала плечами:

– Думаю, около ванной.

– Да? Его там нет.

– Совсем?

– Абсолютно. Во всем доме нет ничего похожего на унитаз.

– Ты уверена?

– Стопроцентно, – кивнула Томулька, – я осмотрела каждый закуток. Вчера мы бегали в лесок. Теперь пойду изучать огород. Ох, чует мое сердце, канализации здесь тоже нет. Да и откуда бы ей быть, если нет воды. Небось у забора стоит деревянная будка.

С этими словами Томочка пошла на улицу. Я же села на террасе, вытащила из кармана обрывок газеты и опять прочитала фразу: «Помогите, убивают. Мила». Может, это шутка местной детворы? Или чей-то крик о помощи?

Я высунулась в окно, увидела на другом участке яр-

ко-красное пятно и крикнула:

– Лена!

Соседка выпрямилась.

– Чего?

– У вас в деревне есть женщина по имени Мила?

Лена вытерла рукой лоб.

– Из наших нет, может, дачница какая.

– Их тут много?

– Дачниц? А в каждом доме, где и по две, три семьи живут, у нас лето зиму кормит, который год на огороде ничего не родится, то дождь ливнем льет, все на грядках погниет, то солнце палит, овощи от жары дохнут, а дачник от погоды не зависит. Зачем тебе Мила? Фамилия у нее какая?

– Скажи, – я проигнорировала вопрос, – а Федор женат?

– Который?

– Ну тот, что на отшибе живет, у оврага.

– Бирюк?

– Да.

– Кто ж за такого замуж пойдет? – пожала плечами Лена. – Был, наверное, приличный человек, а стал вон чем. Я года два его не встречала, даже зимой.

– При чем тут зима? – удивилась я.

Лена подошла к забору и, опершись на него, стала вводить меня в курс дела.

Деревня Пырловка расположена в двух шагах от Москвы, электричка от столицы со всеми остановками докатывает сю-

да быстро. Но стоит человеку выйти на станции, пересечь небольшой лесок и увидеть указатель «Пырловка», как он попадает в глухую провинцию. Пырловка живет как при царе Горохе. Нет, я не хочу сказать, что аборигены тут совсем лишены благ цивилизации, но воды и канализации нет, телефон есть лишь на почте, газеты привозят один раз в три дня. В избах имеются телевизоры, но при малейших дуновениях ветра электричество вырубается, и голубые экраны меркнут. Местные дети ходят в школу за пять километров, их отцы и матери ездят на работу в Москву, маленькая птицефабрика, где когда-то трудились все пырловцы, давно умерла, не вынеся конкуренции. Сами понимаете, что сейчас из деревни бегут все, кому не лень. Многие пырловцы подались в последнее время кто куда.

Летом же здесь кипит жизнь. Сюда возвращаются те, кто теперь имеет квартиры в Москве. Люди используют родительские дома в деревне как дачи. И еще все пускают дачников, поставили для этого сарайчики на огородах, обставили немудреной мебелью и сдают малоимущим людям, которым надо вывезти на лето детей из города.

Когда по Пырловке пару лет назад пролетел слух, что теперь у оврага, в долине, постоянно будет жить молодой мужчина, да еще врач по профессии, местное население чрезвычайно оживилось. Ведь «Скорую» тут не дозваться. Сначала надо бежать на почту, мобильников в деревне раз, два и обчелся, потом ждать машину с красным крестом почти сутки.

А теперь у них появится свой врач!

Но напрасно пырловцы строили радужные планы. В самую первую зиму, когда Федор обосновался в деревне, к нему прибежала Саня Макашова и, запыхавшись, проорала:

– Дяденька, бегите скорее к нам.

– С какой стати? – спокойно спросил врач.

– Моя сестра рождает, орет сильно, а «Скорая» не едет, – объяснила Саня.

– Ну и при чем тут я? – равнодушно продолжал Федор.

– Как же! – растерялась Саня. – Вы – доктор.

– Нет, – рывкнул тот в ответ, – я никакого отношения к медицине не имею, ступай прочь.

Макашова ушла несолоно хлебавши. Потом Федор прогнал Веру Клоткину, у которой ребенка скрутил грипп, и даже пальцем не пошевелил, услышав, что старуха Локтева сломала ногу. Постепенно пырловцы поняли, что врач не собирается им помогать, и перестали бегать к стоящей на отшибе избушке.

Первое время местное население злилось и разрабатывало планы мести.

– Ничего, – говорили мужики, толпясь на площади у магазина, – человек он городской, руки из задницы растут. Еще придет за помощью, стекло выбьет, или ступеньки сломаются, мы ему все припомним.

Парни злобствовали, а Федор жил себе тихо, не появляясь в деревне. За водой он не ходил, в сельпо не загляды-

вал, очевидно, привозил себе еду и питье из города. В конце концов негодование аборигенов из стадии нагрева перешло в фазу кипения, мужики решили наказать Федора так, как истари расправлялись в русских деревнях с неудобными: пустить ему «красного петуха».

Дождавшись, когда врач в очередной раз отъедет в город, Семен Паришков и Веня Козлов, прихватив канистру с бензином, перелезли через забор, приблизились к дому наглого доктора и собрались начать черное дело. Веня шагнул к двери и вдруг дико закричал. Семен от неожиданности выронил канистру.

– Что? Что случилось?

– Нога, – выл Веня, – ой, как больно.

Семену стало еще хуже, когда он понял, что приятель попал правой ступней в капкан, хитро замаскированный в траве.

Кое-как Паришков дотащил несчастного домой, потом Вену отвезли в больницу. Лежа на носилках, Козлов громко пообещал:

– Ну, погоди, еще встретимся!

Через три дня в Пырловке запылали пожары. Пока пожарная команда на красной машине прибыла на место, от двух изб остались головешки. Семьи Козлова и Паришкова потеряли все.

С тех пор Федора начали бояться. Никто больше не лез в его отсутствие не то что в дом – во двор, не обращались к

нему за помощью. Живет Федор совершенно один, чем занимается, никто не знает. Уезжает вроде утром на машине в Москву, возвращается ближе к ночи, а может, и нет его вообще в деревне.

– Он не женат? – спросила я.

– Какая же баба его выдержит, – нахмурилась Лена, – злобный бирюк. Народ к нему за помощью побежал, и вон чего вышло.

Я усмехнулась. С одной стороны, Федора понять можно. Деревенские люди часто бывают излишне назойливы, им неохота тащиться в районную больницу, где придется сидеть часами в очереди и давать терапевту «барашка в бумажке», вот они и надумали решить проблему по-простому, по-соседски. А простота, как известно, хуже воровства. Одна наша общая знакомая, Маша Кривошеева, хирург по профессии, купила себе домик в селе. С самого начала Машута совершила ошибку, помогла какой-то бабке, вскрыла у нее гнойник на пальце. Теперь бедной Кривошеевой нет покоя ни днем ни ночью, к ней таскаются с любой болячкой: просят померить давление, посмотреть горло, взять аспирин. И если вы полагаете, что пейзаже несут за консультацию свежий творог, жирное молоко и крупные, двухжелтковые яйца, то ошибаетесь. Машка ничего не получает даром, все вышеперечисленные продукты она покупает, похоже, с переплатой. Селяне экономны, если не сказать жадноваты, им нравится иметь рядом врача, но платить ему или делать скидку на хар-

чи никто не желает.

Федор оказался умнее и сразу повел себя правильно. В Пырловке его не любят, но, похоже, мужику плевать на общественное мнение. Ужасно, конечно, что он поставил капкан, а потом устроил пожар, но, с другой стороны, деревенские первые решили взять канистру с бензином и спички и полезли на чужой участок.

– Дочери он тоже не имеет? И любовницы? – не успокаивалась я.

– Вроде нет, – сказала Лена, – хотя никто про него ничего толком не знает.

– Вилка! – закричала Томочка. – Я нашла ее! Смотри!

– Кого? – воскликнула я. – Милу?

– Какую Милу? – удивилась Тома. – Уборную, с унитазом.

Иди скорей ко мне. Ей-богу, впервые подобное вижу!

Вспомнив далекое детство, я вылезла в окно и побежала на зов. Тамара стояла перед огромным, раскидистым кустом.

– И где туалет? – поинтересовалась я.

– Там, – подруга ткнула рукой в сторону буйнозеленого кустарника. – Видишь?

– Нет.

– И я сразу не заметила.

С этими словами Томочка аккуратно отвела в сторону несколько веток, и я выпучила глаза. Внутри куст напоминал шатер. В детстве мачеха Раиса отправила меня на все летние месяцы к своей матери в деревню. Старуха не была мне

родной бабушкой, но богом данную внучку не обижала, кормила чем могла, изредка мыла в бане и била прутком, если я не хотела помогать ей по хозяйству. Но, несмотря на то, что несколько лет подряд меня отправляли к ней, я никогда не таскала воду из колодца и не делала тяжелой работы. Была просто слишком маленькой, в мои обязанности входило полоть грядки и подметать избу, но и то и другое у меня выходило плохо. А когда я повзрослела, бабушка умерла. Сейчас я понимаю, что старуха была мудрой, доброй женщиной – она приютила фактически чужого ребенка. Бабушка даже пела мне иногда народные песни, с плохо понятными ребенку словами, ну что-то типа: «Налетели басурманы, всех казаков посжигали». Просто оторопь брала от подобной «филармонии», поэтому в детстве я бабушку недолюбливала и боялась. Понимание того, что она для меня сделала, пришло позднее.

Так вот, у сортира во дворе бабушки рос точь-в-точь такой же куст, как здесь, и мы с девочками оборудовали в нем дом. У нас там стоял колченогий табурет, прикрытый куском клеенки, и громоздились охапки сена. Даже в сильный дождь под кустом было сухо. Мы валялись на «кроватках» и рассказывали друг другу страшные истории про красное пятно, черную руку, привидения и зубастых вампиров.

Было странно видеть сейчас такой же «шатер» на участке Ани. Только внутри не было табуретки и сена. Тут стоял... унитаз, слегка треснутый, с голубым пластмассовым кругом. На одной из веток была наколота порванная на куски газета.

– Вот, – радостно сообщила Томочка, – хотели санузел? Получите.

– Тут даже двери нет, – только и сумела вымолвить я.

– Тебя смущает факт отсутствия двери? – веселилась Томочка. – Ей-богу, это ерунда, не стоит стесняться, здесь все свои. Однако оригинально придумано. Интересно, это приспособление предназначено только для Ани? Или ее бывший муж Альфред тоже им пользуется? Интересно, каково ему зимой приходится, а? Кстати, мы его до сих пор не видели. Может, надо зайти к нему, поздороваться? Все-таки целое лето предстоит прожить в тесном соседстве.

– Успеется, – прошипела я, – ну, Анька, обманула нас!

– Вовсе нет, – смеялась Томочка, – обещала водопровод, и он есть, только, так сказать, местный, но мы ведь не уточняли, откуда вода в трубы поступает. И туалет имеется, с унитазом. Не к чему придраться.

– Сейчас позвоню Аньке и устрою скандал, – пообещала я.

– Не стоит, – покачала головой Тома, – что она сделает? Канализацию проведет? Лучше добеги до магазина и глянь, чем там торгуют.

Вымолвив эту фразу, подруга принялась хохотать с такой силой, что у нее на глазах выступили слезы.

– И что смешного ты находишь в столь идиотской ситуации? – возмутилась я.

– Нет, – простонала Томочка, – ты только представь себе лица Сени и Олега, когда они увидят сей уголок задумчиво-

сти. Вот что, надо прихватить с собой видеокамеру и заснять их. Ты будешь показывать им клозет, а я запечатлю сей процесс для истории.

Внезапно и мне стало смешно. Уж не знаю, кто додумался до подобной «икебаны»: Анины родители, она сама или Альфред, но, ей-богу, у этого человека оригинальное мышление. Бывает рояль в кустах, а вот про унитаз в них никто не слышал.

Повеселившись вволю, мы вернулись в избушку. Томочка стала греть обед для Никиты, а я взяла кошелек и спросила:

– Что купить в магазине?

– Хочется творога, настоящего, деревенского, из-под коровки, – стала перечислять Тома, – сметанки, молочка парного, свежих яиц, может, они тут делают простоквашу?

Но в местной лавке не нашлось ничего, даже близко похожего на вкусные, экологически чистые деревенские продукты. На полках лежали хорошо знакомые йогурты, пакеты с молоком, банки с консервированной кукурузой и зеленым горошком. Вот колбаса и пиво с водкой были представлены, как говорится, в ассортименте.

Услышав мой вопрос, продавщица затрясла ярко-рыжей головой с синими прядками.

– Не, в Пырловке никто скотину не держит.

– Вот жалость, – вздохнула я, – мы очень любим молочное.

– Так у меня бери.

– Хотелось бы натурального, домашнего.

Продавщица прищурилась.

– Ступай в Немировку, там продают.

– Это далеко?

– В двух шагах, если мимо бирюка идти, – пояснила она, – по шоссе дальше выйдет. А вдоль оврага шмыганешь, и вот она, Немировка.

Я вернулась туда, где уже побывала утром, миновала избушку пьяницы Миши и двинулась по тропинке. Внезапно тело пронзила острая боль. Я охнула и схватилась за плечо. Пальцы стали красными. Под ногами лежал комок газеты. Я наклонилась, подняла его и пришла в ярость. Кто-то швырнул в меня нечто вроде громадной железной гайки, предварительно завернув ее в обрывок газеты. Я машинально развернула смятую бумагу и снова увидела косо сделанную надпись. «Спасите, убивают!» Полная гнева, я зашагала к дому бирюка. Сейчас посмотрим, что за шутник там проживает.

Глава 4

Помня о том, как мужики напоролись на капкан, я, даже не входя во двор, решила проявить осторожность: схватила валявшуюся неподалеку от забора палку и двинулась вперед, тыча ею перед собой. Забор у Федора был крепкий и достаточно высокий, калитка железная, без ручки и глазка, звонка тут тоже не нашлось. Я стала бить ногой в калитку, но со двора не донеслось ни звука.

– Откройте! – завопила я.

В ответ тишина.

– Немедленно впустите!

Молчание.

Обозлившись еще больше, я огляделась по сторонам, увидела вблизи раскидистое дерево, ветви которого свисали над участком Федора, и, недолго думая, вскарабкалась на него. Это сейчас я – набирающий обороты автор детективных романов, но воспитывала-то меня улица, и я еще не растеряла соответствующие навыки.

Двор был пуст. Выглядел он не таким заброшенным, как у Ани, но и ухоженным его не назовешь.

– Эй, – заорала я, – а ну, выходи! Смотри, как ты меня гайкой ушиб, до крови.

Продолжая кричать, я поднялась на крыльцо и обнаружила на двери железный навесной замок самых устрашающих

размеров. Усмехнувшись, я присела и пошарила под крыльцом. Подавляющее число деревенских жителей прячет там запасные ключи. Но здесь под ступеньками мои руки ничего не нащупали. Решив не сдаваться, я обошла вокруг избы. Частенько сельские дома имеют второй вход. Отчего я не ушла, поняв, что избышка заперта снаружи? А кто, по-вашему, швырялся гайками? Нет, внутри есть человек!

Черного хода не существовало. Я приблизилась к окну и попыталась заглянуть внутрь. Тщетно, взгляд наткнулся на задернутые гардины.

– Эй, – крикнула я, – вы где?

– Помоги, – прошелестело сверху, – спаси, убивают.

Я задрала голову и увидела круглое окошко под самой крышей.

– Кто там? – завопила я.

Сверху спланировал кусок газеты, крупные, пляшущие буквы, написанные карандашом на полях, слились в фразы: «Я на чердаке. Лестница внизу».

Чуть поодаль и впрямь стояло шаткое сооружение, сбитое из тонких палок. Не раздумывая долго, я передвинула лестницу так, чтобы она достигала окошка, и резво полезла вверх. На середине пути мне стало страшно, но не отступить же от намеченной цели, тем более что сверху периодически доносился тихий, словно шелест травы, голосок: «Помоги».

Наконец руки уцепились за край окошка.

– Откройте, – постучала я по стеклу.

– Помоги, – долетело из форточки.

– Распахните окно!

– Помоги.

Делать нечего, пришлось снять с ноги босоножку и ударить ею по давно не мытому стеклу. Голову я на всякий случай втянула в плечи, но, к моему удивлению, на меня не посыпалась груда осколков. Отчего-то стекло, почти целиком вылетев из рамы, упало внутрь чердачного помещения. Я заглянула в образовавшуюся дыру. Непосредственно у моего лица оказалась кровать, на которой сидела взлохмаченная, худая девушка. Увидев меня, она вскрикнула:

– Помогите!

– Ты кто?

– Мила.

– Что здесь делаешь?

Девушка заплакала и бессвязно залепетала:

– Федор... убить... спаси...

Поняв, что у нее сейчас начнется истерика, я быстро сказала:

– А ну-ка возьми себя в руки. Лучше скажи, где Федор.

– Он уехал, – шмыгнула носом Мила, – Федор всегда утром уматывает.

– Когда вернется?

– Обычно вечером возвращается.

Я повеселела.

– И что у тебя случилось? Почему сидишь на чердаке и

ревешь?

– Меня Федор запер.

– Зачем?

– Он бандит, – выпалила девчонка, – пожалуйста, умоляю, помоги мне бежать!

– Давай вставай, – велела я, – и лезь в окно.

– Не могу.

– Почему?

– Меня привязали за ногу, вон видишь?

Мила потрясла тонким, длинным кожаным ремешком.

– Гад, – с чувством произнесла она, – мерзавец, он так рассчитал, что я могу только с кровати слезть и до ведра дойти, два шага сделаю, и все, дальше ремень не пускает. Он крепкий, не разорвать, я даже перегрызть его пыталась. Куда там! Ты принеси секатор, знаешь, такие ножницы, кусты постригать, только поторопись, а то, не ровен час, Федор раньше заявится, мне тогда каюк придет.

Быстрее птицы я полезла назад, добежала до участка Лены и заорала:

– У тебя есть секатор?

– А как же, – меланхолично ответила соседка.

– Дай мне на время.

– Сейчас, – спокойно сказала Лена и ушла в сарай.

Минуты мне казались годами, наконец соседка появилась во дворе.

– На, – она сунула мне большие садовые ножницы.

Я побежала к избе Федора, забыв сказать доброй Лене спасибо.

Мила перерезала ремешок и ловко спустилась по лестнице вниз. Когда она очутилась на земле, я увидела у нее на щиколотке железное кольцо с небольшим замком, от него тянулся крохотный кусочек ремня. Девчонка пошевелила ногой.

– Прикольнo выглядит, да? Слушай, ты меня в Москву не отвезешь?

– Извини, но я не умею водить машину, да и нет ее у меня.

– А... а... Ну тогда проводи хоть до шоссе.

Я кивнула, и мы пошли к калитке. Металлическая дверца, совершенно гладкая снаружи, изнутри имела удобную ручку и еще запиралась на огромную щеколду. С трудом отодвинув ее, я сказала:

– Странно, что у Федора по участку не бегают штук шесть волкодавов с оскаленными пастями.

– У него аллергия на шерсть, – хмыкнула Мила. – Слушай, мне это кольцо с замком сейчас не снять. Дай свои носки, натяну их на ноги, чтобы народ не пялился.

Я покорно сняла белые гольфы и отдала Миле, та мигом натянула их и сказала:

– Во, теперь лучше, а то словно с каторги сбежала. Ладно, где тут шоссе?

– Похоже, налево.

– Что значит «похоже»? Ты точно не знаешь?

– Нет, я недавно приехала, не из местных.

– Ладно, – нахмурилась Мила, – пойдём налево.

Мы двинулись вдоль глубокого оврага.

– Как ты на чердак попала? – я проявила естественное любопытство.

– По глупости, – сердито откликнулась Мила, – исключительно из-за моего собственного идиотизма. Этот Федор в меня влюбился и стал предлагать выйти за него замуж, а к чему мне такой козел? Естественно, я отказала.

Федор вроде спокойно воспринял категорическое «нет», не обиделся, не стал устраивать сцен. А спустя некоторое время появился с букетом и заявил: «Думаю, мы вполне можем остаться друзьями, давай отпразднуем мой день рождения на даче. Будет большая компания, человек двадцать, обещаю шашлык, красное вино и все такое».

Мила любит повеселиться, в словах Федора она не усмотрела никакого подвоха и с радостью поехала в Пырловку.

Жаренного на углях мяса ей так и не удалось попробовать, потому что хозяин мгновенно запер Милу на чердаке. Правда, он предоставил ей минимальные бытовые условия. На кровати лежали матрас, подушка и ватное одеяло, в двух шагах от ложа стояло ведро, призванное служить туалетом, здесь же имелась трехлитровая банка с питьевой водой. Кормил Милу Федор дважды в сутки, а для развлечения приволок ей кипу газет. В принципе, условия заключения можно было бы считать вполне сносными, кабы не длинный, тонкий

ремешок, при помощи которого Милу за ногу привязали к кровати. Федор сразу очень спокойно объяснил ей:

– Лучше тебе дать согласие быть моей женой, иначе навсегда останешься на чердаке.

Но Мила вовсе не собиралась ему покориться, и потому всякий раз, когда Федор уезжал на работу, она слезала с кровати и пробовала бродить по чердаку в том радиусе, на который хватало веревки. В куче хлама ей попался карандаш, и тогда Миле пришла в голову гениальная идея. Встав на кровать, она могла через окошко видеть тропинку, по которой изредка ходили люди. Мила решила выбросить на улицу записку. На чердаке валялось много всякого барахла, вот пленница и стала подбирать картофелины, гайки, осколки кирпича. Завернув «груз» в записку, Мила вышвыривала послание в форточку за забор. Но народ спокойно проходил мимо, никто не поднимал «дацзыбао». Один раз Мила попала местному алкоголику в живот. Пьяница разразился матом, но и только.

– Сколько же времени ты тут просидела? – с сочувствием спросила я.

– Да хрен его знает, долго, – ответила Мила. – я вымыться хочу! Жуть как! Эта падла меня один раз в душ сводила, будка у него во дворе стоит. Ну я и попробовала доски от задней стенки отковырнуть, однако ничего не вышло, а Федор понял, чем я в «бане» занималась, и больше купаться не разрешал. Небось воняю!

– Ты ничем не пахнешь, – заверила я ее, – и выглядишь нормально, только одежда очень измятая, в особенности куртка.

Мила стащила с себя джинсовку.

– Фу, жарко! Когда я к Федьке ехала, еще тепла не было. Прямо сил нет идти, голова кружится!

– Ты просто давно на улицу не выходила, потому, наверное, окно мне не открыла, – пояснила я, – давай пока твою курточку понесу.

– Спасибо, – кивнула Мила и сунула мне в руки вконец изжеванную джинсовку.

Я обернула куртку вокруг бедер, завязала на животе рукава и продолжала ее расспрашивать.

– Где же ты с Федором познакомилась? Он же, похоже, намного старше тебя.

– Шоссе! – радостно завопила Мила и замахала руками.

Около нас моментально притормозила черная «Волга». Мила распахнула переднюю дверцу и спросила:

– До Москвы добросишь?

– Куда именно? – буркнул шофер, молодой парень с татуировкой в виде дракона на плече и серьгой-крестом в ухе.

– До первой станции метро, – сказала Мила.

– Садись, – согласился водитель.

Бывшая пленница обернулась.

– Смотри не скажи кому, что помогла мне, – предостерегла она, – Федька избить может.

Я кивнула:

– Понимаю.

Мила села в «Волгу» и была такова, я медленно поплелась на дачу. Однако этот Федор большой оригинал. Неужели он предполагает, что можно заключить брак по принуждению в наше время? Мила тоже очень странная особа. Окажись я в подобной ситуации, мигом бы заявила: «Конечно, дорогой! Всю жизнь мечтала стать твоей женой, прямо сейчас поехали в загс».

Главное, оказаться в людном месте, ведь там легко позвать на помощь, поднять крик! Ну не дурочка ли Мила! Предпочла куковать на чердаке и швыряться камнями!

Бормоча себе под нос, я добралась до нашего дома и увидела Лену, сидевшую на скамейке у забора с вязаньем в руках. Услышав мои шаги, соседка отложила ярко-красное трикотажное полотно и виновато зачастила:

– Я устала немного, вот и решила отдохнуть. С шести утра на огороде колупаюсь, будь он неладен. Знаешь, сдается мне, кабы люди сорняки ели, те бы даже не взошли.

Я улыбнулась:

– Это точно. Что вяжешь?

– Шапку себе, мне красный цвет идет.

Мы поболтали пару минут о всякой ерунде, потом Лена сказала:

– Тебе секатор больше не нужен?

Я похолодела. О черт! Я дала садовые ножницы Миле,

чтобы она разрезала кожаный ремешок. Та так и поступила, «перекусила» привязь и вылезла в окно. И я, и она забыли про секатор. Он остался лежать на чердаке.

Федор явится с работы, отправится проведать жертву, обнаружит отсутствие Милы, увидит секатор и явится убивать меня.

На секунду мне стало нехорошо, но потом я обрела способность мыслить трезво. Спокойно, Вилка, не надо идиотничать. Все секаторы похожи друг на друга, каким образом Федор догадается, что именно я принесла садовые ножницы? В Пырловке я ни с кем не знакома, разговаривала только с Леной да с продавщицей в магазине. Нет, еще с пьющим Мишей и его странной матерью. Господи, ну и дурь лезет мне порой в голову, волноваться нет никаких причин.

– Так отдашь секатор? – настаивала Лена.

Я набрала побольше воздуха в легкие и с самым честным видом принялась врать:

– Ну и народ тут у вас!

– Ты о чем?

– Взяла секатор и стала вот эти кусты подрезать – они все окно нам загородили. Устала, положила ножницы на секунду и пошла чаю попить. Возвращаюсь – их нет, кто-то уволок. Уж извини, сегодня я поеду в город и привезу тебе новые.

– Не надо, – отмахнулась Лена.

– Как же так? Раз я взяла, должна вернуть, получишь взамен потерянных самые лучшие...

– Нечего деньги тратить, – перебила меня соседка, – обычное дело! Пырловцы такие, сопрут все, что плохо лежит, только я не дура. Сейчас пробежусь по дворам и вмиг найду ножницы, впрочем, я и так знаю, чья это работа, Райка утянула.

– Как же ты докажешь, что секатор твой? – удивилась я.

Лена рассмеялась:

– Хочешь жить, умей вертеться. У ножничек-то ручки для удобства из пластика сделаны. Я на них и выжгла паяльником: «Нос».

– Нос? – переспросила я. – Почему не глаз или рот?

Соседка рассмеялась:

– Это моя фамилия. Звать меня так – Лена Нос. От мужа досталась. Петька хитрый был, он до подачи заявления про свои данные молчал, и маменька его словечка не кинула. А уж когда в загсявились!.. Да я чуть прочь не удрала, поняв, что вместо Поповой Носом стану. Во кошмар. Потом привыкла, даже удобно – никто ни с кем не путает. Вон Козловых трое, вечно у них незадачи: то почту не туда принесут, то пенсию, то карточки в поликлинике перепутают. А я – Нос, со мной нет никаких проблем.

Пока Лена говорила, я покрывалась холодным потом. Нос! Федор возьмет секатор, кинется к Лене, та моментально скажет, что вручила ножницы мне...

– Вилка, – крикнула Томочка, – купила?

– Ты о чем?

– В магазин ходила?

– Э... нет.

– Ну сходи, сделай одолжение, очень молока хочется, – улыbnулась Томочка.

– Ага, – засуетилась я, – уже бегу.

– Ты зачем куртку вокруг себя обернула? – остановила меня Тамара. – Жарко же!

Я опустила глаза вниз и едва сдержала вопль. Взяла у Милы джинсовую куртку, чтобы не тащить ее в руках, завязала рукава вокруг талии и забыла отдать вещь хозяйке. Мила, стремясь поскорее уехать, тоже не вспомнила о верхней одежде.

– Откуда у тебя такая? – продолжала удивляться Тамара. – Первый раз ее вижу, вроде она ношенная...

Я быстро освободилась от куртки и бросила ее в открытое окно. Потом стала сочинять:

– Увидела куртенку в спальне, в шкафу висела, это Анина вещь. Ну и прихватила ее с собой, подумала, вдруг дождь пойдет. Моя сумка еще не распакована.

– Какой дождь, – вмешалась Лена, – на небо глянь! Ни облачка. Вторую неделю сухо, словно в Африке.

– Побегу за молоком! – выкрикнула я и ринулась по дороге в сторону шоссе.

Пробежав пару метров, я оглянулась. Лена снова взялась за вязание, Томочка больше не высовывалась в окно.

Глава 5

Добежав до дома Федора, я перевела дух и вошла в не закрытую нами калитку. Лестница стояла на прежнем месте, чердачное окно зияло пустотой. Быстрее кошки я взлетела по шатким ступенькам вверх, влезла в душное, пыльное помещение и сразу же увидела секатор, лежащий на матрасе.

Схватив его, я слезла вниз, выскочила на тропинку, донеслась до магазина и только там перевела дух. Слава богу, Федор на работе в городе, секатор при мне, хозяин никогда не узнает, кто помог Миле бежать!

Продавщица, увидев потенциальную покупательницу, отложила в сторону толстую книжку в яркой обложке и спросила:

– Ну чего, купили творог в Немировке?

Вот тут я обозлилась на саму себя до крайности. Господи, что происходит? Сначала я забыла про секатор и куртку, потом про то, что натуральных молочных продуктов тут нет. Может, надо купить какие-нибудь таблетки от маразма и начать принимать их регулярно?

– Дорогу в Немировку не нашла, – ляпнула я первые пришедшие на ум слова.

Торговка степенно поднялась со стула и поманила меня рукой.

– Иди сюда.

Мы вышли на крыльцо.

– Вон туда ступай, – велела продавщица, – по тропинке, вниз.

Я кивнула и вновь побежала мимо забора Федора. Немировка началась после небольшого лесочка. Избушки тут оказались более крепкими, чем в Пырловке, все под жестяными крышами. Трехлитровую банку жирного молока, два кило восхитительного свежего творога мне продали в первом же дворе. А еще предложили яйца, простоквашу, домашний сыр, куриные грудки, самодельную ветчину... Счет составил почти пятьсот рублей. На секунду мне на горло лапой наступила жаба, но я тут же отбросила противное животное. Значит, не станем покупать что-нибудь другое. Жить в деревне и не попробовать крестьянскую еду просто глупо.

Рука потянулась к поясу. Не так давно Аня подарила мне очень удобную вещь, ремешок, к которому приделан кошелек. Надеваете конструкцию на талию и не думаете больше о том, что потеряете деньги. Лично я запросто могу забыть кошелек на столике в кафе. А так он всегда на мне!

Пальцы нащупали сначала футболку, потом джинсы. Я повторила попытку: замечательный ремень с кошельком исчез. Я привалилась к стене избы. Так, ничего страшного не произошло. Да, в портмоне лежали деньги, лишиться столь большой суммы очень неприятно, но ведь не смертельно. Намного хуже, например, сломать ногу или руку, упасть и разбить лицо, заболеть гриппом. Уговаривая себя не панико-

вать, я сказала молочнице:

– Потеряла, пока шла к вам, сумочку. Сделайте одолжение, не отдавайте никому мои покупки. Сейчас сбегая домой и принесу деньги, тут совсем близко, мы в Пырловке дачу снимаем.

– Как же ты так неосторожно, – запричитала бабонька, – и много посеяла?

– Порядочно.

– Ой, беда! Ну горе! – квохтала она. – Не сомневайся, целехоньким тебя все дождется, в подпол спущу, постоит в холоде, хоть до вечера шляйся, не скиснет.

– Быстро обернись, – пообещала я, – тут идти всего ничего.

– Ты не торопись, – серьезно сказала баба, – и никогда заранее не обещай. Человек предполагает, а господь располагает, ступай аккуратно да под ноги гляди, авось кошелек найдешь!

Злая, как давно не евший людоед, я отправилась в обратный путь. Нет, сегодня явно не мой день! Пробежав первые пару метров, я одернула себя: молочница права, спешить некуда, нужно идти медленно, внимательно глядя под ноги, вдруг наткнусь на кошелек?

Но чем дальше отходила я от Немировка, тем меньше становилась надежда отыскать заветный пояс. Дойдя до калитки Федора, я машинально глянула через открытую нараспашку дверь во двор. Может, обронила портмоне там? Зай-

ти, что ли, поискать? Или лучше не надо?

Но пока я соображала, что делать, ноги сами собой пошагали на участок.

Сначала я внимательно изучила пяточок у подножия лестницы, потом решила осмотреть все вокруг, сделала пару шагов и в ту же секунду услышала звук работающего мотора, потом стук дверей и голос:

– Какого... калитка открыта? Кто сюда... явился?

К счастью, мои ноги никогда не тормозят. Не успев даже сообразить, что к чему, я ринулась к огромному, круглому, как шар, кусту и мгновенно заползла в его середину.

Это было произведено очень вовремя. Не успела я скрыться, как ворота распахнулись, во двор въехала «Нексия», из нее вышло двое молодых мужчин.

– И зачем, Федя, ты в глуши поселился? – спросил крепкий брюнет в сильно потертых джинсах и мешковатой футболке.

– Отвянь, – рявкнул Федор, слегка помятый блондин в сильно измятом льняном костюме, – тут воздух классный.

– Просто великолепно, – заржал брюнет, – не о кислороде думать надо. Калитка открыта, совсем по-деревенски живешь!

– Я ее изнутри запер, – мрачно объяснил Федор, – потом через ворота вышел и их снаружи закрыл. Ну, суки! Думал, на всю жизнь их испугал! Ан нет, забыли!..

– Ты где бабу держишь? – поинтересовался брюнет.

Федор сплюнул.

– На чердаке, ... мать!

– Да, – крикнул брюнет, – наверх глянь!

– Отвяжись, Левка, – рявкнул Федор и шагнул было к крыльцу, – ну, сучары деревенские, попляшете у меня, гондоны пьяные!

– Потом с алкоголиками разберемся, ты вверх посмотри!

Федор задрал голову. Секунду он простоял молча, потом разразился тирадой, в которой не прозвучало ни одного цензурного слова.

– Убежала, – спокойно констатировал Лева.

– Не могла, – взревел Федор, кидаясь отпирать дом.

Лева спокойно вытащил из кармана пачку сигарет, не торопясь закурил, легкий дымок поднялся ввысь и растаял.

– Сволочь! – заорал Федор, выглядывая из разбитого окна чердака. – Скотина! Мразь!

– Ты к кому обращаешься, котик? – меланхолично уточнил Лева. – Если ко мне, так ведь обидно.

– Брось свои пидорские замашки, – Федор совсем потерял лицо, – не...! Девка слиняла!

– Ловко, – констатировал Лева, – экая пронырливая!

– Этого не может быть! – бесился наверху хозяин. – Я привязал ее за ногу, дом заперт, чердак высоко! Не спрыгнуть ей отсюда вовек.

– Не видишь разве, – мирно объяснил Лева, – лестница стоит! Она разбила стекло, перегрызла веревку, и ищи ветра

в поле.

– Да тот шнур даже крокодилу не перекусить, – начал было визжать Федор, но потом вдруг осекся и нормальным голосом протянул: – Лестница...

– Ты ее только что тут обнаружил? – ехидно протянул Лева. – Правда, неприятная находка? Чего замолк, котенок?

– Лестница, – повторил Федор, – слушай, у нее был помощник! Пришел, открыл калитку, принес нож, а потом увез Милку! Ну ...!

– С чего ты взял? – недовольно протянул Лева. – Какие помощники?

– Идиот! – заорал Федор. – По-твоему, Милка сама лестницу подтащила? Она вон там стояла, сбоку! Одно не сообщай: ну как Милка адрес дома узнала и своему приятелю сообщила? Телефон я у нее сразу отобрал!

Лева медленно пошел вдоль дома.

– Тебя только этот дурацкий вопрос волнует? – спросил он, присаживаясь на корточки. – Голубиной почтой проныра воспользовалась! А может, тебе вот это что-то подскажет?

– Ну и – завел было Федор, но вдруг замер с открытым ртом.

Я посмотрела на него, потом, проследив за взглядом бибрюка, перевела глаза на Леву и зажала рот руками. Слава богу, я не успела вскрикнуть, впрочем, думается, мало кто сумел бы удержаться от вопля в подобной ситуации. Очень довольный Лева держал в руке мой кошелек с ремешком.

Голова Федора, выкрикивающего ругательства, исчезла из чердачного окна. Лева, насвистывая, открыл портмоне и начал рыться в нем.

– И что там? – заорал Федор, выскакивая на порог.

– Прорва денег, – усмехнулся Лева, – целых полторы тысячи.

– Долларов?

– Рублей, киса, рублей, – покачал головой Лева, – еще мелочь, фантик и... О! Это уже интересно!

– Дай сюда! – рявкнул Федор и вырвал у приятеля из рук белый маленький прямоугольник. – Это что?

– Визитная карточка, киса, – вздохнул Лева, – читай вслух.

– Замятина Анна Леонидовна, – озвучил текст Федор, – заведующая отделом продаж, компания «Голубое небо». Тут еще адрес есть и телефон, похоже, мобильный. Ну-ка.

Бирюк вытащил из кармана сотовый и потыкал в кнопки. Во дворе повисло напряженное молчание. Стих даже ветер, до этого момента весело шевеливший листву на деревьях.

– Абонент временно недоступен, – рявкнул Федор, – отключилась, падла, сука, дрянь, мразь...

– Спокойно, киса, – остановил его Лева, – криком делу не поможешь. Собирайся, поехали.

– Куда? – устало спросил Федор.

– А в это «Голубое небо», – весело сообщил Лева, – походим там, поглядим, понюхаем, разознаем, чем Анна Леони-

довна Замятина торгует, покалякаем с ней и пойдем, она ли тут с лестницей орудовала, спасая Милу.

– Кто же еще? – снова помчался на лихом коне злобы Федор.

– Киса, – укоризненно сказал Лева, – госпожа Замятина, может, и не имеет к беглянке никакого отношения. Но Анна Леонидовна вполне могла дать кому-то свою визитку, и вот теперь нам предстоит выяснить очень деликатный вопрос! Если Замятина тут ни при чем, сумеет ли она вспомнить, кому вручила свои координаты, может, у нее здесь подруга дачу снимает. Покажем тетеньке пояс, авось припомнит, чей он.

– Дать ей два раза по зубам, и память сразу прояснится, – взревел Федор.

– Ты, киса, слишком грубый, – ласково укорил его Лева, – тоньше следует быть, нежнее, внимательней. Улыбайся, говори комплименты, и люди к тебе сами потянутся!

– Ты свои пидорские замашки брось, – буркнул Федор, – дуй в машину!

Укоризненно покачивая головой, Лева сел в «Нексию» на заднее сиденье. Федор плюхнулся на водительское место. Автомобиль задом выполз на дорогу и остановился. Хозяин вернулся во двор, запер изнутри калитку на засов, вышел на тропинку через ворота и навесил снаружи на них замок. Motor зашумел, заскрипел гравий, в воздухе повис запах выхлопных газов, «Нексия» уехала.

Посидев еще некоторое время внутри куста, я выползла наружу в предсмертном состоянии, и если вы думаете, что мне было жаль денег, то ошибаетесь. Вернее, полторы тысячи, конечно, обидно терять, но намного хуже другое: в кошельке лежала визитная карточка Ани, той самой, что пустила нас пожить к себе на дачу. Сейчас грубый Федор и приторно-ласковый Лева рулят в «Голубое небо», но я-то знаю, что Аньки там нет. Подруга взяла неделю за свой счет, она собралась провести свободные дни в мебельных магазинах.

Чувствуя острую резь в правом боку, я неслась по тропинке к нашей даче. Насколько я понимаю, события будут разворачиваться таким образом: сначала парочка порасспрашивает Анькиных коллег, те дадут ее домашний телефон или адрес. Федя слевой поедут к Аньке и найдут там либо саму хозяйку, samozабвенно пинающую прораба, либо рабочих, которые мигом им расскажут, где сейчас обитает госпожа Замятина. Аня не делала никакого секрета из переезда к нам. Более того, унося сумку с вещами, она дала бригадиру листок и велела:

– Если понадобится, звони в любое время.

Значит, мне надо перехватить Аню раньше, чем до нее доберутся Федор слевой. Иначе она, увидев мой кошелек, воскликнет:

– Это Вилкин.

Но даже если подруга не узнает портмоне, который сама же мне подарила, то на вопрос: «Есть ли у вас в Пырловке

знакомые?» – моментально ответит: «Конечно. Сейчас там в моем доме живет Виола Тараканова».

Домчавшись до дачи, я, чтобы не привлекать внимания Томочки, влезла в окно и схватила свой мобильный, мирно лежащий на столе.

Аппарат абонента был, естественно, выключен или находился вне зоны досягаемости.

Так, сдаваться рано. Анька опять забыла заправить батарею, с ней это случается через день. Не стоит расстраиваться, надо позвонить домой.

– Алле, – пропел Ленинид.

– Ты у нас дома?

– А разве нельзя? – изумился папенька.

– И что ты там делаешь?

– Ну... просто так... ничего.

Я скрипнула зубами. Папашка врет. Пользуясь отсутствием женской части семьи, мужики решили устроить себе праздник и привлекли к веселью Ленинида. Иначе с какой стати папенька оказался у нас? Голову даю на отсечение, сейчас на кухне готовится пир: варятся креветки, режется хлеб, высыпаются на тарелки соленые сушки, стынет в холоде пиво. Не надо думать, что мы с Томочкой поднимаем крик при виде бутылок. Вовсе нет, просто нам кажется, что мужчины чаще всего бывают неразумны. За стол они, как правило, садятся с благим намерением опрокинуть всего по чуть-чуть, так, для легкого веселья, потом увлекаются, ну и... не стану

продолжать дальше.

– Ты, доча, вредная очень, – заметил Ленинид, – ничего я не делаю, просто телик гляжу, один, в тоске...

Закончить жалостливый рассказ папенька не успел, в трубке послышался грохот и крики:

– Эй, Олег, ты охренел!

– Тяжело очень, – ответил голос Куприна.

– Славка, подбирай, – рявкнул Семен.

Так, значит, я ошиблась в определении состава «команды», там еще и Слава присутствует, коллега Олега, мастер спорта по поднятию рюмки.

– Один, значит, тоскуешь? – сердито спросила я.

– Да, – не дрогнул Ленинид, – аки телевизионная башня в поле.

– А что упало?

– Где?

– У нас на кухне.

– Понятия не имею.

– И кто там разговаривает?

Ленинид помолчал и спокойно соврал:

– Это телевизор, я сериал гляжу.

Следовало дожать папеньку, но у меня не было никакого времени на это.

– Что, и Ани дома нет?

– Ее точно нет, – выпалил Ленинид.

Я усмехнулась, так и подмывало спросить: «А кто же

есть?»), но вслух произнесла совсем иное:

– Куда она ушла, не знаешь?

– Ага, – зашуршал папенька бумагой, – вот тут она записывала, погоди, адрес посмотрю. Позвонили с работы и сообщили, где она.

– Какой адрес?

– Так Анька в ресторан полетела, два часа на гулянку собиралась. Во, нашел! «Степной волк». Ты записываешь?

– Да, говори!

Папашка медленно продиктовал улицу, номер дома и добавил:

– В пять веселье начинается.

Не попрощавшись, я бросила трубку и ринулась к шкафу за деньгами.

– Вилка, – заглянула в комнату Тamarочка, – как ты мимо меня прошмыгнула? Ведь я сидела на веранде у самой двери. Испугалась даже, вроде в доме никого нет, а кто-то ходит, шуршит. Ты молоко купила?

– Угу.

– И где оно?

– В Немировке.

– Где?

– Ну, это деревня соседняя, в двух шагах, там всего полно: творог, яйца, ветчина...

– Здорово, – обрадовалась подруга, – в подпол снесла?

– Нет, я забыла дома деньги, вернулась за ними.

– Где же твой пояс?

– Потеряла.

– Ну не расстраивайся, – улыбнулась Тамара, – деньги заработать можно. Значит, все принесешь?

– Угу.

– И творог?

– Да.

– Ну тогда не стану гречку варить, – размышляла вслух Томочка, – сделаю на ужин сырники. Вилка, ты меня слышишь?

– Да, – машинально ответила я, – все правильно.

Томочка быстро моргнула и поинтересовалась:

– А ты с чем их хочешь?

Я, уже полностью готовая к выходу, не поняла, о чем ведет речь Томочка. Более того, совершенно погруженная в свои мысли, до сих пор я абсолютно машинально отвечала подружке.

– Так с чем их готовить? – настаивала Тома.

– Ну... с чем хочешь!

– Вилка, – возмутилась она, – я хочу, чтобы тебе было вкусно! Скажи, сделай одолжение, с чем их предпочитаешь? Знать бы, о каком блюде идет речь!

– Ну, – сказала я, – только не с мясом.

– Не с мясом? – эхом откликнулась Тома.

– Да, – закивала я.

Томуся идеальная жена, мать и лучшая подруга на свете.

К сожалению, у нее слабое здоровье, и судьба распорядилась так, что высшего образования мы с ней не получили, поэтому могли рассчитывать лишь на самую простую работу. Я, чтобы не умереть с голода, пошла мыть полы. Тома, не желая сидеть у меня на шее, тоже пристроилась на немудреную службу, но очень скоро заболела и осела дома. С тех пор, до момента выхода замуж за Семена, подруга вела домашнее хозяйство, а я зарабатывала на хлеб, масло и сыр. В отличие от многих женщин, чья жизнь проходит между плитой и мойкой, Тamarочка не подвержена резким перепадам настроения и истерикам, она никогда не рыдает и не вопит: «Вот, жизнь на вас положила, где благодарность?»

Тома считает, что ее предназначение быть хранительницей очага, и поэтому вдохновенно гладит и готовит. Она никогда не сердится. Но я знаю, что Тому обижает, если мы не принимаем активного участия в разработке меню, поэтому сейчас я стала усиленно изображать полнейшую включенность в выбор начинки для основного блюда ужина.

– Только не мясо!

– Да уж, – ошарашенно подхватила подруга, – мне бы и в голову не пришло сделать их с говядиной! Право, это полный бред!

Может, спросить все же, что она собралась приготовить на ужин? Нет, лучше не надо, а то Тamarочка обидится.

– Давай с курагой или изюмом? – предложила она.

– Ни в коем случае, – совершенно искренне воскликнула

я.

Что бы ни было: макароны, рис, гречка, – все это не сочетается с сухофруктами. Тому иногда заносит, она любит экспериментировать, и порой мы едим странные блюда типа курицы в меду.

– Лучше всего с рыбой, – выпалила я, подкрадываясь к двери.

– С лососем?.. – вытаращила глаза подруга.

– Можно и с ним, – мгновенно согласилась я, – великолепная мысль.

– Думаешь, будет вкусно?

– Восхитительно, – воскликнула я, – лосось благородная рыба, не минтай какой-нибудь.

– Ну, если тебе так хочется...

– Очень!

– Немного странно.

– Просто великолепно, – я вела свою партию, не слушая Тамару, – обожаю рыбу и ненавижу курагу.

Вымолвив эту фразу, я схватила сумку и выбежала на улицу.

– Вилка, – понеслось мне в спину, – давай пойдем вместе. Эта Немировка далеко? Погоди, я помогу!

– Ерунда, деревенька в двух шагах, продукты в первом доме, – крикнула я и птицей полетела к станции.

Глава 6

Слишком приукрасив бытовые условия своей дачи, Анька в одном не соврала. Электрички до Москвы отсюда ходили часто, как в метро. Когда я подбежала к станции, состав из зеленых вагонов закрыл двери и покатил к столице. Я немного расстроилась, теперь придется ждать целый час. Но не успела зевающая потная кассирша выдать мне билет, как к платформе со свистом подъехал другой поезд. В нем оказалось полно мест, я устроилась у на удивление чистого окна и пожалела о том, что забыла дома книгу. Но тут по вагону пошел парень с сумкой, туго набитой газетами. Он с радостью продал доселе никогда не виданное мною издание под названием «Звездные шалости» и ушел.

Я погрузилась в чтение. Очень хорошо знаю, что на рынке процветают «желтые» издания, смакующие интимные подробности жизни известных людей. Грешна, сама люблю почитать перед сном всякие глупости, чаще всего забавные. Например, один политик обо-звал другого идиотом, а оскорбленная сторона швырнула в обидчика графин с водой. Некая певичка заплатила костюмерше соперницы, и та плохо завязала корсет концертного платья хозяйки. В разгар выступления наряд свалился на сцену, зрители в зале взвыли от восторга. Известный писатель, радетель за чистоту русского языка и яростный борец с ненормативной лексикой, упав

возле магазина, сломал ногу. Как на грех, в это время около литератора оказался один из корреспондентов «желтой» газетенки. Журналист помог писателю, вызвал «Скорую» и даже сопровождал несчастного в больницу, но при этом – вот она, профессиональная выучка, – включил диктофон. Бесстрастная лента сохранила речь рьяного поборника чистого русского языка. Рухнув оземь, писатель не произнес ни одного цензурного слова. Корреспондента, опубликовавшего потом сей монолог в своей газете, ругать не за что, он ведь ничего не соврал, просто продемонстрировал, что наш редактор за чистоту русского языка отлично владеет ненормативной лексикой. Много чего можно почерпнуть из бульварных газет, я очень веселюсь, читая их. Еще я хорошо понимаю: восемьдесят процентов информации – это жирные глупые утки, но хорошее настроение после изучения сообщения о том, что болонка оперной дивы за кулисами поет вместо хозяйки арию Кармен, мне обеспечено надолго. Собственно говоря, я потому и приобретаю «желтуху», что в «серьезных» изданиях слишком много политики и мрачных экономических прогнозов, а мне не хочется знать, от чего в ближайшее время я отправлюсь на тот свет: от голода, глобального потепления климата или ядерной войны.

Но листок, который сунул мне сейчас продавец, был мерзким. Я знаю, как поступают некоторые публичные люди, озабоченные тем, что о них забыли газеты. Они сами звонят главному редактору и предлагают: «Ты там чего-нибудь при-

думай!»

Потом на свет появляются удивительные снимки с подписью: «Наш папарацци поймал певца N в бане с любовницей». Но при внимательном рассмотрении вы понимаете, что дело нечисто. Да, N сидит на полке, но он одет в плавки, его шевелюра уложена феном, а глаза слегка подкрашены. Спутница шоу-идола тоже сверкает великолепным макияжем и устроилась около своего любовника таким образом, чтобы ее длинные ноги казались еще стройней. Следующий снимок запечатлел жену кумира, которая, вызывая сочувствие у простых женщин, пытается побить мужа скалкой, но на лице дамы нет подлинной ярости, и, встречая у порога подлого изменника, она обвесилась брюликами от макушки до пяток. Абсолютно постановочные снимки, поверить в подлинность которых может только идиот.

Но то, на что я смотрела сейчас, выглядело пугающе натуральным. Камера запечатлела стройного мужика с безумным взглядом. Ноги не держали хозяина, он буквально висел на руках двух крепких парней в белых халатах. «Этот человек хорошо известен народу, – шел внизу текст, набранный крупным шрифтом, – имя его на слуху, но вот одна фенечка скрыта от всех. Милейший Антон Борисович наркоман со стажем. Каждую весну, в мае, он укладывается в элитную клинику, куда никогда не попасть простому человеку. Один день пребывания в ней тянет на тысячу долларов. Подлечившись, наш герой снова натягивает костюм и предста-

ет перед наивными людьми умным, образованным и интеллигентным. Но наши корреспонденты всегда готовы приподнять завесу тайны».

У мужика на снимке и впрямь был совершенно безумный вид, такой не изобразишь специально. Я, в отличие от многих, не знала, кто он такой, но думаю, парню не слишком приятно будет узнать, что его ухитрились запечатлеть в подобном виде.

– Москва, – прохрипело с потолка.

Я вышла на перрон и, смешавшись с толпой, двинулась к метро.

У входа в «Степной волк» стоял секьюрити.

– Сегодня ресторан закрыт, – спокойно сообщил он.

– С какой стати? – возмутилась я. – Меня пригласили на обед в семнадцать ноль-ноль.

– Простите, – вежливо сказал охранник, – если вы на банкет, то предъявите приглашение.

Не успела я сообразить, что следует делать в подобной ситуации, как над улицей понесся звонкий голосок:

– Вилка, чего неходишь?

Ко мне, радостно улыбаясь, спешила Ника Горбунова, коллега Аньки.

– Это наша, – чуть картавя, но твердым тоном заявила она парню, загородившему вход, – пропустите немедленно!

Охранник молча посторонился, Ника вцепилась в мое плечо тощей, но сильной ручонкой и поволокла в зал.

– Классно, что ты пришла, – верещала она, – будешь интервью давать? Эй, идите сюда. Вот идиоты! Тормозы! Поймай одну секунду одна.

Плохо соображая, что тут происходит, я осталась стоять возле мраморной колонны. Зал был украшен разноцветными шариками и гирляндами из искусственных роз. На небольшой эстраде, трясая длинными гривами, играла группа молодых людей. Внезапно один из них схватил микрофон и заорал с такой силой, что у меня зашевелились волосы на голове.

– Вишня, зимняя вишня, прекрасных...

Длинный стол, тянувшийся поперек зала, очевидно, заставили тарелками и бутылками. Вокруг него толпились люди, и мне от колонны не был виден набор угощения.

– Вот, – запыхавшись, проговорила Ника, – давайте.

Перед моим носом внезапно оказался микрофон.

– У «Голубого неба», которое празднует сегодня свое десятилетие, много VIP-клиентов, – затараторило бесполое патлатое существо в мятых, грязных джинсах, – сейчас мы возьмем интервью у начинающей, но уже известной писательницы Виоловой. Арина, душечка, вы что покупали с помощью «Голубого неба», а?

Я растерялась.

– Ничего.

– Ха-ха-ха, – существо старательно изобразило веселье, – конечно, наши звезды не хотят «колоться», но вам, дорогие

радиослушатели, известно, что «Голубое небо» – это такое место! О! Оно создано для тех, кто не желает себя ничем беспокоить. Только обратитесь сюда, и здешние менеджеры сделают все! Желаете дом, квартиру, дачу? Вам приобретут жилплощадь. Не хотите мучиться с ремонтом? Наймут бригаду. Нет времени ходить по магазинам? Купят вам мебель. Впрочем, что это я на недвижимости зациклился!

Я вздрогнула. Ага, он все-таки мужчина.

– «Голубое небо» решит любые, абсолютно все ваши проблемы, – захлебывался от восторга корреспондент. – Мечтаете приобрести собаку, кошку, черепаху? Прелестно, вы их получите. Нет времени закупить продукты? Они сами при-топают в ваш холодильник. «Голубое небо» – это волшебная палочка, исполнитель желаний, старая добрая лампа Аладдина...

Продолжая выкрикивать восхваления, парнишка отошел от нас в сторону и в конце концов кинулся к какому-то мужику, облаченному, несмотря на жару, в черный костюм.

– Идиот, – покачала головой Ника.

– У вас юбилей?

– Ну да! Собрали сотрудников и кое-кого из VIP-клиентов. Кто приехать не побоялся. Сама понимаешь, богатые люди не слишком-то любят афишировать свои покупки!

– У вас полно и обычных людей, – улыбнулась я.

– Да кому интересно, что простой инженер Пупкин купил сарай в деревне, – всплеснула руками Ника, – это же не но-

вость на первую полосу. А вот, коли...

– Послушай, – перебила я болтливую Нику, – где Анька?

– Какая?

– Замятина.

– Моя начальница?

Мне захотелось стукнуть Горбунову, но, собрав в кулак всю силу воли, я процедила:

– Именно она. Замятина Анна Леонидовна, моя подруга и твоя непосредственная руководительница, ухитрившаяся за малый срок сделать в вашей безумной конторе головокружительную карьеру.

– Слышь, Вилка, – с горящими от возбуждения глазами зашептала Ника, – что расскажу! Улет! Ну ты, конечно, знаешь, что Анька у нас на передок слабая.

Я кивнула. Грубо, но, увы, справедливо. Замятина принадлежит к той категории женщин, которые в первую очередь смотрят мужчине между ног, и если имеющееся там приспособление соответствует ее требованиям, Аня не обратит внимания больше ни на что. Возраст, социальное положение, доход, марка машины – на все это ей плевать. Наличие у кавалера многодетной семьи ее не остановит, секс в общественном туалете тоже не смутит. Анечке все равно где, главное – мужские способности партнера. Очень хорошо помню, как мы с ней под Новый год, решив устроить себе праздник, шатались по многоэтажному магазину. В конце концов я потеряла Аню и позвонила ей.

– Стою в подвале, возле прилавка с хозяйскими, – спокойно ответила Замятина, – иди к лифту, сейчас к тебе присоединюсь.

Я дошла до подъемника и уставилась на закрытые двери. Спустя минут пять вокруг собралась толпа. Сначала люди стояли молча, потом начали проявлять беспокойство.

– Смотрите, кабина не движется!

– Наверное, сломалась.

Народ уже собрался вызывать аварийную службу, но тут послышалось легкое шуршание, лифт прибыл на наш этаж. Из распахнувшихся дверей выскочила страшно довольная, румяная Анечка, за ней вывалился потный, всклокоченный мужик с безумным взором.

– Надо же! – закричала Замятина. – Мы застряли.

Но я не поверила ей, проводила взглядом мужчину, который на крейсерской скорости бежал в глубь торгового центра, и поняла: подруга нашла подходящий объект для своих упражнений. То, что для удовлетворения желаний ей пришлось надавить в кабине кнопку «Стоп», Аню не смутило. И она опять, в который раз, напугала партнера.

Да, да, пусть вам не кажется странной моя последняя фраза. Общаюсь с Анькой, я крепко усвоила одну истину: большинство представителей сильного пола лишь говорят о своих завышенных сексуальных аппетитах. На самом деле им хватает выше головы умеренных отношений два раза в неделю, минут по пять. Конечно, все мужчины надувают щеки и

сообщают друзьям:

– Да я! Восемь раз за ночь! Она плакала!

В действительности дело обстоит иначе, и когда мужику на жизненном пути попадается такая неутомимая партнерша, как Анька, готовая где угодно, сколько угодно и в любой, самой немыслимой позиции, то парни мигом пугаются и убегают прочь.

– Я сама виновата, – грустно сказала один раз Замятина, потеряв очередного кавалера. – Сколько себе ни внушаю: дорогая, держись, не налетай на несчастного сразу. Пару раз прикинься фригидной женщиной. Ан нет, у меня сразу все предохранители перегорают, тормоза летят.

Замуж Аня вышла один раз, за совершенно не подходящего ей по темпераменту Альфреда. Естественно, через короткое время последовал развод. Фредька, как Аня звала супруга, заявил судье:

– Простите, уважаемый, но с ней даже гиббон не уживется.

– Почему? – устало спросил тот. – Анна Леонидовна обладает ужасным характером?

– Нет, – отмахнулся Фредька, – она золото, только постоянно трахаться хочет, а я никак не могу по десять раз в день свой супружеский долг выполнять. Жена мне здоровье подорвала!

Судья закашлялся, потом взял со стола очки, обзрел совершенно не смутившуюся Аню и вздохнул.

– Сколько работаю и первый раз с подобным сталкиваюсь, обычно такой аргумент выдвигают женщины. Хорошо, измена одного из супругов является основанием для развода.

– Вы не поняли, – перебил судью Альфред, – Аня мне не изменяет. Впрочем, лучше бы она еще кого-то нашла, а то за... меня до смерти.

Замятина развелась и теперь находится в свободном полете. На мой взгляд, она совершенно безголовое существо, ведь существует множество очень неприятных болячек, передающихся половым путем. Но вот что удивительно, Анька ни разу не подцепила заразы.

– Меня бог бережет, – ухмыляется она, – или черт. Без разницы, в общем, ко мне не пристает инфекция. Если у парня сопли рекой текут, кашель, температура, я потом даже не чихну. Железобетонный иммунитет, а знаешь, почему я им обладаю? Исключительно из-за сексуальной активности! Так-то!

Замятина ухитряется еще и подвести теоретическую базу под свое поведение.

– Так где Аня? – спросила я Нику.

Горбунова захихикала:

– Не перебивай! Здесь была.

– И куда делась?

– С мужиками укатила! Сразу двух подцепила – блондина и брюнета. Красивые парнишки, черненький и беленький. Классные крендели, – начала сплетничать Ника.

Я похолодела. Блондин и брюнет. Лева и Федя. Сладкая парочка с моим кошельком и огромным желанием найти того, кто освободил Милу.

– Как зовут парней, знаешь?

– Не-а.

– Они ваши клиенты? – я цеплялась за последнюю надежду, может, Аня уехала все-таки с другими людьми!

– Понятия не имею, – дернула плечиком Ника, – раз тут на тусовке оказались, следовательно, свои, без приглашающего билета сюда никого не впустят.

– Никуся, – закричала полная женщина в красном платье, – иди сюда, золотце, хочу за тебя выпить, кисуля.

– Извини, – шепнула Горбунова, – клиентка зовет.

– Ступай себе, – мрачно согласилась я.

Ника убежала. В просторный зал продолжал прибывать народ. Я постояла около колонны, потом вышла на улицу и стала наблюдать за секьюрити.

Парень в темном костюме с каменным выражением лица проверял билеты. Действовал он вежливо, но четко. Тетку со странным, испуганным лицом охранник не пропустил внутрь.

– Ваш билет? – спросил он.

– Ой, дома забыла.

– Без приглашения никак нельзя.

– Но мне надо!

– Могу позвать распорядителя, – ухмыльнулся бдительный страж, – если велит вас пропустить, я с дорогой душой.

Женщина быстро ушла. Охранник прислонился к стене, пользуясь отсутствием народа, он явно хотел расслабиться, но тут в холле возникла девушка в джинсах.

– Приглашение? – ожил парень.

Девушка протянула ему зеленую бумажку. Я слегка удивилась, до этого все демонстрировали ярко-красные книжечки. Охранник молча выхватил из наманикюренных пальчиков купюру, и в ту же минуту я поняла: это доллары, общий пропуск на все, даже самые закрытые тусовки.

Глава 7

Девушка растворилась в зале, я подошла к парню, взглянула на бейджик, прикрепленный к пиджаку, и с фальшивой заботой сказала:

– У вас тяжелая работа.

– Не жалуясь.

– Наверное, вы женаты.

– Да, – сухо ответил секьюрити, явно надеясь, что любопытная бабенка посчитает его неучтивым и уйдет.

Но я не собиралась отпускать жертву на свободу.

– Дети есть?

– Да.

– Маленькие?

– Да.

– Зарплата небось копеечная.

– Не жалуясь, нам хорошо платят.

– Зачем же тогда за деньги внутрь пускаете? Я думала, вы этим из-за нищеты занимаетесь!

Лицо охранника потеряло каменное выражение.

– Чего глупости придумываете! – фальшиво возмущенно воскликнул он. – Вход только по билетам.

Я вытащила из кармана мобильный.

– Видишь, тут фотоаппарат есть. Мне на день рождения этот сотовый подарили, вот я и развлекаюсь, снимаю все во-

круг. И тебя запечатлела в момент получения баксов. Думаю, твое начальство в экстаз придет, когда узнает, чем ты занимаешься.

– Сколько хотите? – спросил охранник. – Вот, держите, она мне всего десять баксов дала. Это журналистка, я ее хорошо знаю. В «Степном волке» часто банкеты устраивают и не всех писак приглашают.

– Оставь деньги себе.

– Чего тогда вам надо? – насторожился парень.

– Ответь на пару вопросов.

– Ну... задавай, – мздоимец перешел со мной на «ты».

– Сюда приходили двое мужчин, брюнет и блондин.

– Ну, – протянул парень, – может, и так. Здесь сегодня полно мужиков, брюнетов и блондинов.

– Эти пришли вдвоем, пробыли недолго и ушли. С собой они увели женщину, симпатичную, светло-русую, коротко стриженную, волосы у нее все в разные стороны торчат.

– А... а... а, – протянул юноша, – ну! Точно.

– У них не имелось приглашения, и ты их пустил за деньги?

– Ага, дали мне целых пятьдесят гринов, обычно по десятке дают, – разоткровенничался сребролюбивый стражник.

– А теперь сделай одолжение, вспомни поточней, как выглядели парни, о чем они разговаривали, мне важна любая деталь.

– Журналистка, что ли? – нахмурился секьюрити. – Ма-

териал пишешь? Ну ваши и проныры! Ты из какой газеты? Я «Желтуху» люблю.

– Угадал, именно там и работаю.

– Значит, так, – принялся вспоминать юноша, – пришли, сунули мне бабки и внутрь шмыгнули. Сама знаешь, не всех ваших на тусню зовут, кое-кому вход заказан, поэтому они и платят. Я-то решил, что и мужики из корреспондентов. Смотрелись они прилично, на лиц кавказской национальности ну никак не походили, сумок или портфелей с собой не тащили, так что никакого риска. Пусть, думаю, идут, напишут потом что-нибудь интересное, а мы читаем.

– Дальше, – поторопила я его.

– Ну они там от силы четверть часа провели и вместе с бабой умотали.

– Она сама шла?

– А как же иначе?

– Всякое бывает. Может, они тащили ее или несли.

– Да нет, – улыбнулся охранник, – собственными ножками топала, и, похоже, она блондина отлично знала.

– С какой стати ты так решил?

– А висела у него на руке, прижималась все, на постороннего так не обопрешься, – излагал свои наблюдения секьюрити, – еще она у него спросила: «Дорогой, а куда мы сейчас двинем?» А тот ответил: «Погода играет, на солнышко поедем, на травку, на дачку. Шашлычок сбыхаем, ну и все такое». Сели в «Нексию» и отвалили.

– Эй, постой, – насторожилась я, – тебе же отсюда улицу не видно, откуда про «Нексию» узнал?

– Они ушли, – пояснил охранник, – а потом брюнет вернулся и злобно так рявкнул: «Чей «мерс» мою тачку запер? Пойди найди хозяина!»

Секьюрити выглянул на улицу, увидел, что серебристая «Нексия», около открытых дверей которой стоят блондин и женщина, блокирована черным «шестисотым», и порысил в зал искать владельца «мерина».

Больше никаких подробностей охранник сообщить не мог, но мне хватило услышанного. Значит, Федор и Лева опередили нерасторопную госпожу Тараканову. Они быстро нашли Аньку, и блондин, мигом поняв, с каким сортом женщин имеет дело, предложил Замятиной прогуляться на природу. Естественно, Анька моментально попалась на крючок, и троица уехала. Куда? Да, конечно, в Пырловку, на дачу к Федору. Надо со страшной скоростью лететь назад, а то обозленный брюнет, похоже, отменный грубиян, заявится к нам в дом и до смерти перепугает Томочку. Еще начнет обыскивать комнаты в поисках сбежавшей от него Милы!

Я выскочила на улицу и бросилась к метро, но не успела сделать и пары шагов, как была поймана маленькой, чистенькой бабусей, настоящим божьим одуванчиком.

– Послушайте, деточка... – тоном учительницы младших классов начала она.

Пришлось остановиться.

– Что вам угодно?

– Не могли бы ответить на один вопрос?

Я быстро оглядела бабулю, нет, она совсем не похожа на тех людей, которые пытаются всучить наивным прохожим «отличные китайские фены и чайники всего за сто рублей», маловероятно, что она из «лотерейщиков», которые дурят головы жадным людям, желающим за десять копеек обрести миллионы. Скорей всего, пожилая дама запуталась в улицах и сейчас попросит объяснить ей дорогу.

– Да, внимательно вас слушаю, – улыбнулась я.

– Значит, вы не рассердитесь?

– Нет, конечно.

– И не посчитаете меня нахалкой?

– Спрашивайте на здоровье.

– Правда?

– Да.

– Ах, вы очень милы, – закатила глаза бабушка, – честно говоря, я уж думала: подобных людей среди современной молодежи нет, нынешние девушки такие нетерпеливые, грубые. Вот нас...

Я осторожно бросила взгляд на часы. Ну и влипла! И ведь ничего не скажешь престарелой болтушке, теперь она опишет мне всю свою жизнь.

– ...учили совсем иному поведению, – пела старушка, – сейчас уже никто не встает со стула, если в комнату входит старший по возрасту. Понимаю, что это глупо, но я, встречая

тех, кто родился раньше меня, всегда уступаю место.

Я удивилась. На вид бабусе лет сто, не меньше. Где же она сталкивается с еще более старыми людьми? Не иначе как на кладбище, но почему она ходит на погост со стулом? Зачем садится, а потом встает? Из уважения к престарелым? Ой, кажется, не вовремя начавшаяся жара ударила меня по мозгам, вот в голову и лезет всякая чушь. Надо срочно перебить старушку, помочь ей и лететь на вокзал.

– Могу ли быть вам полезной? – вклинилась я в плавную речь бабушки.

– Ах, если, конечно, я вам не помешала...

– Нет.

– Вы столь любезны...

Я стиснула зубы, потом глубоко вздохнула и, навесив на лицо улыбку, воскликнула:

– Ерунда, говорите.

– Ну, у меня пустяковая проблема.

– Я вся внимание.

– Мне не стоило вас тревожить.

– Пустяки.

– Наверное, вы торопитесь.

– До пятницы совершенно свободна, – брякнула я.

Но бабуля, очевидно, никогда не читала про приключения Винни-Пуха и не смотрела одноименный мультфильм.

– До пятницы? – искренне удивилась она. – Но так долго вас не задержу, всего на минуту-другую.

– Прекрасно.

– Мой вопрос незначительный.

– Хорошо.

– Ужасное, непростительное любопытство.

– Это может случиться с каждым.

– Но меня воспитывали по-иному, нежели современных девушек. Они сейчас такие грубые, нетерпеливые...

Разговор обежал круг, начался следующий виток.

– Так какой у вас вопрос? – невежливо гаркнула я.

– Право, глупый.

– Ну!

– Нелепый...

– Ладно.

– Вы не станете смеяться?

– Обещаю. Впрочем, я, похоже, понимаю, о чем речь. Говорите название.

Старушка распахнула блекловатые, по-детски наивные голубые глаза.

– Чего?

– Улицы, куда вам требуется попасть, я мгновенно покажу дорогу.

– Что вы, душенька! Я еще не впала в маразм и не путаюсь в магистралях.

– Тогда в чем дело?

– Ах, право...

– Выкладывайте!!!

– Вы писательница Арина Виолова, да? Я видела вас недавно в шоу «Большая стирка» у Андрея Малахова. Ах, милый мальчик, какой милый мальчик!

– Я девочка, – машинально сболтнул язык.

С тех пор, как писательница Арина Виолова стала изредка маячить в телепрограммах, жизнь Виолы Таракановой очень осложнилась. Совершенно незнакомые люди бесцеремонно останавливают меня на улице и начинают выкладывать свое мнение о детективном жанре. Иногда народ негодует: «Вы пишете дрянь. Развращаете русский народ. Отучаете молодежь думать». Это еще самые приятные из услышанных мною высказываний. Особенно достается мне от пожилых людей. Один дедушка, одетый, несмотря на жару, в черный шерстяной костюм, примерно неделю назад затолкал меня в магазине между прилавками и зашипел:

– Тебя, дрянь этакая, следует из страны выслать. Вот возьмем снова власть в свои руки и расстреляем подобных писак у Мавзолея...

А месяц назад мне встретила тетенька с необъятным бюстом. Схватив меня своими ручищами, она, словно бутылку с кефиром, встряхнула несчастную госпожу Виолову и рявкнула:

– Арина, ты пишешь говно! Третью книгу подряд читаю – все говно! Перечитала шесть раз – все равно говно! Не смей больше издаваться! Сколько денег на тебя трачу! Ведь опять куплю новую книгу, чтобы опять убедиться – говно! Народ

должен изучать Пушкина!

И что ответить таким? Не покупайте произведения Виоловой? Найдите книжки по вкусу? Литература может быть разной? Если вас после поедания яиц обсыпает прыщиками, это не значит, что другие люди должны навсегда отказаться от омлета? Перестаньте навязывать всем свои вкусы? Не радуйте других своей радостью? Кому поп, кому попадья, кому Пушкин, кому Виолова? И потом, мы с Александром Сергеевичем не исключаем друг друга. Кстати, сейчас мало кто знает, что в начале девятнадцатого века великий поэт считался салонным рифмоплетом, то бишь представителем беллетристики, а не серьезной литературы. По большому счету, мы с потомком Ганнибала коллеги, и он, и я всего лишь хотим предоставить читателям пару-другую часов для отдыха.

Но вступать в разговор со старушкой сейчас мне было недосуг, да и не доказать ей ничего, надо просто смываться.

– Кто девочка? – изумилась бабуля. – Андрей Малахов? Скажите пожалуйста! Никогда бы не подумала!

– Малахов – мальчик, – я попыталась внести ясность, – а девочка я.

– Совсем меня запутали. Вы теперь станете вести «Большую стирку»?

– Нет. Конечно, нет. Это очень хорошо делает Андрей Малахов.

– Но он девочка?

– Нет, мальчик.

– А кто девочка?

– Я!!!

– И не разобраться у них на телевидении, кто есть кто! Ну да не об этом речь. Так вот, душенька, – мирно пела бабуся, – я обожаю ваши детективы, прочла их все...

Я с изумлением уставилась на старого одуванчика. Ну кто бы мог подумать!

– Спасибо, мне очень приятно услышать комплимент.

– Отлично пишете.

– Спасибо.

– Работайте больше.

– Постараюсь.

– Только вот вопрос...

С этими словами бабуля вытащила из потертой торбы мою недавно вышедшую книгу.

– Вы это написали?

– Да.

– Хорошая вещь, но есть одна неясность.

Во мне проснулся интерес.

– Какая?

– Объясните название, ну-ка, прочитайте его.

– «Микки-Маус и его Камасутра».

– Кто такая Камасутра?

Я постаралась сдержать смех. Ну действительно, откуда бы престарелой даме знать это.

– Понимаете, Камасутра – это название книги, древней,

посвященной... э... Вы были замужем?

– Нет.

Я замешкалась, не слишком-то удобно беседовать с пожилой дамой на деликатные темы, но выхода нет.

– Книга Камасутра посвящена отношениям между мужчиной и женщиной, в частности, вопросам интимной жизни, понимаете?

– А... а... это пособие по браку?

– Именно так, – я обрадовалась редкой понятливости собеседницы.

– Там всякие кулинарные советы, рассказы о том, как правильно убирать квартиру, – зачастила старушка, – правильно я поняла?

– Вас как зовут? – безнадежно поинтересовалась я.

– Анфиса Сергеевна, – с достоинством ответила моя престарелая фанатка, – похоже, это полезное издание. Где его купить можно? Внучке подарю.

– У вас есть внуки? – удивилась я.

– Я родила четверых детей.

– Но только что вы сказали, что никогда не выходили замуж!

– Душенька, – захихикала Анфиса Сергеевна, – вы же делаете ребенка не с паспортом, а с мужчиной!

Я вытерла вспотевший лоб и пустилась в дальнейшие объяснения. Коли Анфиса Сергеевна не невинная девушка, мне стесняться нечего.

– Камасутра в одной из своих частей рассказывает о сексе. Там изображены всякие позы, понимаете? На самом деле книга намного шире и глубже, но большинство нашего населения ее не читало и совершенно искренне считает пособием для секса.

– Определенно надо Маше подарить, – загорелась Анфиса Сергеевна, – значит, Камасутра повествует, как спать с мужчиной?

– В общем, да! Хотя и не совсем так, там много другой, крайне полезной информации.

– Понятно. А почему ваша книга подобным образом называется?

Я начала терять терпение.

– Просто мне это показалось смешно. Микки-Маус и его Камасутра. Лично я не могу представить милейшего Микки в некоторых пикантных обстоятельствах, это никак не вяжется с его имиджем.

– Чем?

О боже!

– С его характером и внешностью.

– А... а!

– Вот потому мне это и показалось забавным. Ну скажите, зачем Микки-Маусу Камасутра? Смешно, право!

Анфиса Сергеевна заморгала.

– Душенька, можно еще вопросик?

– Валяйте.

– Право, мне неудобно.

– Начинайте.

– Я и так отняла у вас кучу времени.

– До пятницы я совершенно свободна, – вновь ляпнула я и обозлилась на себя.

Бабуся мигом подхватила разговор.

– До пятницы? Займу у вас всего пять-десять минут.

Господи, мы уже произносили эти слова! Чувствуя, что сейчас заору, я проглотила крик и прошипела:

– Анфиса Сергеевна, задавайте свой вопрос!

– Ах, не хочу злоупотреблять вашим драгоценным временем!

Крик снова забился в гортани. Спокойно, Вилка, спокойно. Анфиса Сергеевна совершенно не виновата, просто она очень старая, еще неизвестно, во что ты сама превратишься в ее возрасте.

Огромным усилием воли я справилась с собой и с самой лучезарной улыбкой воскликнула:

– Итак, я жду.

– Камасутра – пособие по сексу?

Я кивнула.

– Ваша книга носит название «Микки-Маус и его Камасутра»?

– Совершенно справедливо.

– Теперь вопрос, уж простите за назойливость.

– Да говорите же наконец!

– Кто такой Микки-Маус?

Можно я не стану приводить тут дальнейший разговор? Мы простояли с Анфисой Сергеевной больше часа. Мне пришлось вспомнить и даже изобразить всех: забавного мышонка, его подругу Минни, Дональда Дака, Белоснежку с семьёю гномами, дядюшку Скруджа и иже с ними.

– Господи, – старушка закивала головой в конце беседы, – теперь все разложилось по полочкам. Одного никак не пойму, ну зачем этому Микки Камасутра?

– Она ему совершенно без надобности, – заорала я, – уж если кому Камасутра и помощница, так это Масыне с ее Хрюнделем.

– Это кто же такие? – полюбопытствовала Анфиса Сергеевна, но я, весьма невежливо забыв попрощаться, удрала прочь. Объяснить фанатке детективного жанра, совершенно выпавшей из действительности Анфисе Сергеевне сначала про Интернет, а потом про самую популярную на просторах российских мониторов девушку мне уже было не по силам.

Глава 8

Но неприятности для меня только начинались. Едва я вошла в здание вокзала, как с потолка прогремело:

– Всех граждан и сотрудников просят покинуть помещение.

– Что случилось? – спросила я у торговки водой.

– Вот, блин, уроды, – буркнула баба, – бомбу подложили!

– Ой!

– Да не бойсь, – усмехнулась продавщица, – это обман, уж в который раз выходим. Поймать бы кретина да отдубасить. Весело ему кажется. А народу беда, поезда встают, беги с детьми и узлами на площадь, часа три теперь проваландаемся!

И точно! Сначала народ, толкаясь и матерясь, выполз на привокзальный пятачок. Никаких скамеек или навесов от солнца тут предусмотрено не было. Минут через пятнадцать подъехали автобусы, из которых посыпались хмурые омоновцы. Толпу слегка оттеснили от вокзала. Стражи порядка особо не настаивали на соблюдении безопасности, они стали безмятежно окольцовывать вокзал бело-красной лентой.

Люди стояли на расстоянии нескольких метров от здания. Если внутри и впрямь окажется бомба, то в случае взрыва от любопытных ничего не останется. Но, похоже, ни менты, ни несчастные пассажиры, обвешанные тюками, не верили в

возможность теракта.

Подъехал еще один автобус, прибыли кинологи. Собаки, приветливо помахивая хвостами, пошли внутрь помещения.

– Тьфу, – сплюнул стоящий около меня дядька, – теперь, пока все не обнюхают, не поедем.

Я глянула на часы: семь. И куда податься? Разве что в метро. Купив на лотке детектив, я села на деревянную скамейку, навалилась на холодную каменную стену и углубилась в чтение. И ведь находятся люди, ругающие авторов криминального жанра! Что ж читать тем, кто проводит в подземке ежедневно по несколько часов? Конфуция? Или Библию? Боюсь, не получится, обстановка не та.

Вокзал наконец заработал, но я не смогла протолкнуться к электричке. Народу на перроне колыхалось море. Люди, отталкивая друг друга, набивались в поезда. Я попала лишь в третий по счету состав и всю дорогу до Пырловки ехала стоя, чувствуя, как спина медленно наливается болью.

Наконец без десяти десять я добежала до домика Федора и перевела дух. Потом перемахнула через калитку и осторожно заглянула во двор. Похоже, что хозяина нет. Ни в одном окне не горел свет, у крыльца не стояла «Нексия», а дверь в дом была крепко заперта.

На всякий случай я белкой вскарабкалась по лестнице и заглянула на чердак. Никого.

Еле передвигая ноги от усталости, я добралась до нашей дачи и увидела темные окна. Значит, Томочка укладывает

Никитку спать. Мальчик ни в какую не соглашается отбыть в царство Морфея без мамы, поэтому Томуська сидит в темноте около его кровати и тихо поет песенки.

Я вошла на веранду, потом двинулась на кухню. Очень хотелось есть. Нашарила выключатель, но не успела включить свет, потому что липкий ужас мгновенно сковал все тело.

У низенького столика, этакой помеси кухонного и журнального вариантов, стояла огромная собака. Задние ее лапы устойчиво разместились на потертом линолеуме, передними монстр шарил в кастрюле. Временами чудище доставало какие-то куски, удовлетворенно ворчало, чавкало, хрюкало, сопело...

– Мама! – заорала я.

Собака Баскервилей опрокинула кастрюлю, на пол выплеснулся любовно приготовленный Томочкой суп.

– Спасите! На помощь!

Зверь зарычал.

– Что случилось? – слышался испуганный голос Тамары. – Вилка, ты?

– Беги, Томуська, хватай Никитоса и улепетывай! Тут чудовище!

Но подруга уже влетела в кухоньку и щелкнула выключателем.

Слабый желтый свет экономной, сорокаваттной лампочки залил небольшое помещение. Я сначала попятилась, а потом схватила эмалированный дуршлаг, висевший на гвозде. Ес-

ли не растеряться и подумать, на пищеблоке можно найти много разнообразных предметов, которые помогут отбиться от бешеных животных. Только сейчас мне стало понятно: у плиты маячит не собака, а мужчина, небольшого роста, довольно полный, с удивительно лохматой, кудрявой головой. Честно говоря, он мало походил на грабителя. В одной руке мужик держал полусъеденную курицу, другой загораживал лицо.

– Ты что тут делаешь, а? – рявкнула я и треснула его дуршлагом по плечу.

– Ой, не бейте, – пискнул он, – ошибка вышла.

Но меня уже понесло по кочкам.

– Какая такая ошибка? Зачем залез на кухню? Суп разлил! Небось деньги искал? Ограбить нас хотел!

– Вилка, – укоризненно сказала Томочка, – перестань колотить несчастного, ему же больно!

В этой фразе вся Тома. Если на нее, не дай бог, нападет на улице разбойник, моя подруга заботливо воскликнет:

– Понимаю, вас вынудили на подобные действия тяжелые обстоятельства. Возьмите мой кошелек. Кстати, прихватите еще и шарфик, у вас душа нараспашку, так и простудиться недолго.

Я же в подобной ситуации начну драться, кусаться и звать на помощь. В отличие от Томочки я не испытываю тотальной любви ко всему человечеству и считаю, что желание воровать и грабить нельзя оправдать никакими обстоятельствами.

ми.

Дуршлаг снова опустился на башку грабителя.

– Ай! Больно, – взвизгнул вор, – вы меня убьете.

– Говори немедленно, что искал!

– Ой, не деритесь! Думал, Аня приехала!

Я замерла с поднятым эмалированным решетом.

– Кто?

– Да Аня же! Это ее дом, – затараторил дядька, по-прежнему прикрывая лицо рукой, – очень уж кушать я захотел. Зашел поздороваться, вижу, кастрюлька! Заглянул – курочка, ну и не удержался!

Я опустила «оружие».

– Ты кто?

– Альфред, муж Ани, бывший, живу в другой половине избы, ко мне вход с той стороны.

– Господи, – кинулась к нему Томочка, – прости, пожалуйста! Это мы виноваты, не зашли к вам сразу, как приехали.

Прояснив ситуацию, все сели за стол.

– Как дела? – Томуська решила завести светскую беседу.

– Кушать хочется.

– Что ж дома не поел? – скривилась я.

– Нечего.

– Сходи в магазин.

– Денег нет.

– Сейчас, сейчас, – засуетилась Тамара, – чай есть, сыр-

ники.

– Он и так уже курицу съел! – не успокаивалась я. – И суп разлил!

– Вилка! Альфред голодный!

– И что? Это повод съесть чужой обед?

На столе очутилось блюдо с сырниками. Решив больше не вредничать, я схватила один, откусила, пожевала, потом вскочила, подбежала к помойному ведру, выплюнула еду и воскликнула:

– Томуся! Это что?

– Сырник.

– Но он с рыбой!

– Верно, с лососем.

– С ума сойти! Как только подобное пришло тебе в голову: смешать творог с горбушей?

– Сама удивилась, – пожала плечами Тома, – ведь я предложила тебе с курагой или с изюмом сделать, а ты четко сказала: обожаю с рыбой.

Я заморгала, вспоминая наш разговор, только я не думала, что речь идет о сырниках.

– Гадость получилась, – не удержалась я.

– А мне нравится, – с набитым ртом пробормотал Альфред.

Незванный гость начал с невероятной скоростью уничтожать творожные котлетки. Пока я сходила за тряпкой и собрала разлитый по полу суп, Альфред слопал все.

– Тебе не поплохееет? – с изумлением осведомилась я. – Сначала почти целая курица, теперь еще и сырники с рыбой.

– Нет, я изголодался сильно, чуть не умер.

– Ты работаешь?

– Сейчас нет.

– А на что живешь?

Альфред пригладил торчащие космы.

– Бог посылает.

Ага, удобная позиция, вот сегодня добрый Господь послал ему наш ужин.

– Ну, а когда боженька забывает про тебя, чем питаешься?

– С огорода.

– Картошку сажаешь?

– Я? Нет, конечно.

– Морковку со свеклой?

– Некогда.

– Что же у тебя на грядках растет?

– Так ничего.

Мое терпение лопнуло.

– Каким же образом можно получить урожай, ничего не посеяв?

Альфред вздохнул.

– Сигарет не найдется?

Томуся протянула ему пачку.

– Бери.

– Спасибо.

– Так чем ты зарабатываешь? – не успокаивалась я.

Альфред выпустил в воздух струю дыма и с чувством про-
изнес:

– Литератора каждый обидеть норовит. Народ не пони-
мает подлинного искусства. Кого сейчас читают? Маринину,
Акунина и Виолу кретинскую!

– Может, пряников хочешь к чаю? – быстро перебила Аль-
фреда Томочка. – Такие вкусные купила! Шоколадные, мяг-
кие, нет, только попробуй.

Бедная подруга явно хотела переменить тему разговора,
но бывший супруг Аньки не врубился и с тупым упорством
забубнил:

– Как подумаешь, какой ерундой люди зарабатывают! Та
же Виолова! Посмотрел ее пасквильную книжонку, мрак!

Не желая больше принимать участия в спектакле, я вста-
ла.

– Пойду спать, устала очень.

– Конечно, конечно! – обрадованно закричала Томуся. –
Уже поздно.

Соблюдая полнейшее достоинство, с абсолютно прямой
спиной, я дошла до двери, потом обернулась и бесцеремонно
сказала:

– Альфред, мы хотим отдохнуть!

Но он сделал вид, что ничего не слышит. Его толстые, усе-
янные веснушками пальцы методично засовывали в рот по-
крытые глазурью пряники.

Я глянула на Томочку. Она улыбнулась:

– Ступай, Вилка, а мы немного посидим.

Переполненная негодованием, я ушла в свою спальню, плюхнулась на кровать и, не успев ни о чем подумать, заснула прямо в одежде.

Утром меня разбудил солнечный свет. Пару раз чихнув, я потянулась, потом, повернув голову влево, открыла глаза. Остатки сна улетучились от изумления. Вместо привычного будильника передо мной оказалась стена. В ту же секунду я сообразила: нахожусь не дома, а на даче в Пырловке, и через незакрытое окно слышно, как на улице орет одуревший петух. Натянув халат, я выползла на крыльцо и всей грудью вдохнула восхитительный свежий воздух. Надо же, так близко от Москвы, а как замечательно дышится. Нет, на даче прекрасно, одна беда, умыться сложно. Вода закончилась еще вчера вечером. Пришлось скрести по дну баклажки черпаком. Многолитровый бидон мы опорожнили всего за один день.

Будильник показывал ровно восемь. Тамарочка, Никитка и Кристина спали. Девочка вообще-то должна была еще посещать занятия, но у Кристи аллергия непонятно на что, с середины апреля она кашляет не переставая, вот мы и увезли ее в Пырловку. Девочка отлично успевает по всем предметам, экзаменов у нее нет, до конца учебного года осталось всего ничего, и никаких знаний ей в последние дни не приобрести, идут одни контрольные работы.

В нашей половине избы царило сонное царство, даже собака Дюшка, большая любительница прогулок, не пошевелилась, когда я вышла на улицу, небось набегалась за вчерашний день.

Решив попить кофе, я включила чайник, достала банку с сахаром и, поджидая, пока закипит вода, уставилась в окно. Повезло же тем, кому от родителей досталась дача. Наверное, у меня полно предков-крестьян, очень уж хочется жить вот так, на природе. Глупая Аня! Ну развелась с мужем, так с какой стати лишать себя удовольствия, задыхаться в загазованном мегаполисе... Аня!!!

Внезапно я вспомнила все события вчерашнего дня и, забыв про чайник, кинулась одеваться. Нужно как можно быстрее бежать к дому Федора и узнать, там ли Аня.

Путь занял меньше пяти минут, я птицей пролетела по дорожке, издалека увидела распахнутые настежь ворота, из которых торчала задняя часть огромного джипа красного цвета. Делая вид, что просто направляюсь в Немировку за молоком, я вошла во двор Федора и ахнула.

Джип оказался пожарной машиной, а от фазенды осталось только пепелище.

– Что случилось? – закричала я.

Один из парней, одетых в брезентовую робу, лениво повернулся.

– Вы хозяйка?

– Нет, соседка, – быстро сказала я, – что происходит?

– Международный кинофестиваль открывается, – с каменно-серьезным лицом заявил боец.

Я попятилась.

– Вы о чем?

– Глупости спрашивать не надо! Не видишь, пожар случился!

– А люди где? Все погибли? – в ужасе воскликнула я.

– Да не было там никого, один хабар, – ответил парень, стаскивая здоровенные перчатки, – беда с этими колхозниками, проведут сами электричество, сэкономят ерунду, а потом рыдают. Копейку сберегли – тысячи потеряли. Каждый день одно и то же!

– Ну и полыхало! – кто-то закашлялся сзади.

Я обернулась – на тропинке маячил алкоголик Миша.

– Такой кострище был, – с детски-наивным удивлением заявил он, – до неба достал. Это я пожарных вызвал! Как огонь увидел, мигом на почту сгонял, только, когда они приехали, тушить уже нечего было. Так, угли зальют, хорошо, что дальше не кинулось. Ну все, теперь бирюк уедет, оно и ладно, противный он очень. Ну и крепко же мы спали.

– Скажи, – перебила я его, – ты ничего не услышал? Не видел случайно, Федор сюда ночью не приезжал?

Миша пожал плечами:

– Не слежу за ним.

Я хотела было продолжить разговор, но тут в кармане ожил мобильный. Сквозь шум и треск из трубки донесся зна-

КОМЫЙ ГОЛОС:

– ...лка!

Недавно я, жертва рекламы, поддалась на уговоры одной телефонной компании и купила себе контракт. Условия обещались просто царские: входные со всех мобильных бесплатные, в выходные и праздничные дни можно общаться почти даром. И что самое интересное, все так и есть. Но сотрудники, взявшие с меня деньги, «забыли» предупредить о маленькой подробности. Оказывается, в Москве и Подмосковье полно мест, где сигнал этой компании не принимается, впрочем, если вы все же услышали голос абонента, то не факт, что поймете, о чем он толкует, настолько плохая связь. Лично я уже научилась разбирать слова, так сказать, по частям. «...лка» – это явно «Вилка».

– Слушаю, кто там?

В наушнике зачавкало, захрустело, зашуршало. Полное ощущение, будто женщина, желающая побеседовать со мной, грызет орехи размером с кулак.

– ...ня!

– Кто это? – заорала я.

– ...ня!

– Аня!!! Ты?

– Я.

– Ты где?

– ...де.

– Повтори!

– ...лка! ...ги!!! – понесся крик. – ...ги! ...ют!!!

Боясь упасть, я навалилась на дерево. Несмотря на совершенно отвратительную связь, я сразу догадалась, о чем речь.
«Вилка! Помоги!!! Помоги!!! Убивают!!!»

– Анята, ты где? – завопила я. – Адрес назови!

– Не ...аю! ...ги!!! Ничего не ...ажу! Ф...! Сп...те! ...ня!
...ня! Все! Батарейка села, зарядить не могу! Спасите меня, несчастную! – неожиданно четко прозвучало в моем ухе, и потом частыми каплями стали падать гудки.

Глава 9

Дрожащей рукой я уцепилась за ствол березы. Постояв так пару мгновений и слегка придя в себя, я потыкала пальцем в кнопки. Сейчас попробую сама соединиться с Аней. Снова послышался треск, скрип, наконец издалека донеслось: «...енно не...ступен!»

Решив сразу не сдаваться, я повторила попытку. «Аб...ент вр...но ...пен».

Значит, у Анькиного мобильного и впрямь села батарейка. Оно и понятно. Федор слевой увезли мою подругу вчера из ресторана, Аня, естественно, не таскает с собой зарядку!

На ватных ногах я побрела к даче. В голове выстраивалась четкая логическая цепь. Мужчинам зачем-то нужна Мила. То есть ясно зачем, она же объяснила мне: Федор хочет сделать ее своей женой, потому похитил и запер на чердаке. На мой-то взгляд, странный способ ухаживания, но чего не случается в жизни. Я помогла Миле и теперь стала злейшим врагом мужика. Скорей всего, Федор думает, что я хорошая знакомая Милы, которой пленница ухитрилась неким таинственным образом сообщить координаты своего местонахождения. Еще он, наверное, полагает, что я точно знаю, куда подевалась Мила, где спряталась от назойливого жениха. И теперь Федор готов отдать все, чтобы отыскать меня. Он надеется, что я приведу его к Миле. На беду, в моем по-

терьянном кошельке лежала визитка Ани. И сейчас подруге грозит смертельная опасность. Аня очень умная и хитрая. Она, придя на работу в «Голубое небо», сумела за короткий срок занять один из ведущих постов. Поверьте, такое совсем непросто сделать в конторе, у руля которой стоят сплошняком мужчины. И тем не менее Аня очень быстро выбилась в руководители. В частности, благодаря своему умению сразу просекать ситуацию. Еще Аня обладает недюжинными актерскими способностями, она легко изобразит из себя кого угодно: наивную блондинку, глупую бабенку, малообразованную кретинку.

Как только Федор показал ей мой пояс, Аня мгновенно сообразила, чей он. Да и странно было бы не узнать вещь, которую она сама купила для подруги. Девять женщин из десяти мигом закричали бы в подобной ситуации:

– Ой! Откуда ты взял Вилкин портмоне?

Девять из десяти, но не Аня. Подруга сразу поняла, что дело нечисто, и попыталась вытащить из Федора информацию. Я не знаю, что случилось во время этого разговора, но сейчас Ане угрожает нешуточная опасность, она молит о помощи.

Есть еще одно обстоятельство. Суматошная, крикливая, крайне неразборчивая в связях, готовая, не спросив имени, побежать за интересующим ее мужиком на край света, Анечка Замятина, которой принадлежит гениальная фраза: «Постель не повод для знакомства», из тех, кто никогда не про-

даст приятелей. Если она сообразила: Вилке грозит опасность, то ни за что не раскроет рта. Федор может ее разрезать на лапшу, Анечка станет лишь хлопать ресницами и глупо повторять: «Понятия не имею, чей это пояс!»

Наверное, именно так она и ответила на вопросы негодяя. А тот тоже человек не промах, почуял обман и запер Аню, как Милу. Преступники любят действовать по один раз придуманному шаблону, небось бирюк не исключение.

Значит, мне надо во что бы то ни стало отыскать место, где Федор держит Аню. Это не Пырловка. Вчера сюда «Нексия» не возвращалась.

Я брела к дому, спотыкаясь о корни деревьев. И как прикажете решать задачу? Мне неизвестны фамилия и отчество Федора. Обратиться в ГАИ, поискать его как владельца «Нексии»? Отличная идея, только невыполнимая. Номера машины я не знаю. Перебрать координаты всех хозяев серебрястых «Нексий», найти тех, чье имя Федор, а потом методично обходить квартиры? Ну, до весны следующего года я, пожалуй, справлюсь. Одна незадача, вдруг Федор ездит по доверенности?

– Вилка, – крикнула Томочка, – покарауль Никитоса!

Я вынырнула из мыслей и удивилась. Стою, прислонившись к нашей избушке, ноги сами собой привели меня к даче.

– А зачем его сторожить?

– Чтобы за мной не увязался.

– Ты куда?

Томочка схватилась за железное полукольцо.

– За водой съезжу.

Я вырвала у нее ручку тележки.

– С ума сошла! Это моя забота.

– Так нечестно, – попыталась сопротивляться подруга, – вчера ты баклажку возила, сегодня я сама отправлюсь.

– Сиди дома, с Никитой, сейчас добуду воду, – категорично заявила я и поволокла громыхающий бидон к колодцу.

Наполнив баклажку, я усмехнулась. Наступать дважды на одни и те же грабли – национальная русская забава, но я не из тех, кто любит в ней участвовать. Очень хорошо помню, как вчера тащила за собой полную емкость, не справилась с ней на пригорке и в результате въехала во двор верхом на баклажке. Нет уж, сегодня поступлю по-умному.

Аккуратно развернув наполненную «тару», я встала за бидоном и начала пихать его перед собой. Один шаг, другой, третий, потом тропинка пошла под откос. Я налегла по-сильней на ручку и тут же поняла: совершена трагическая ошибка. Вилка Тараканова когда-то хорошо училась в школе, правда, сейчас почти все знания, вбитые в мою голову Леонидом Абрамовичем, учителем физики, испарились без следа, но я способна припомнить кое-что про силу тащенья, нет, тягания или волочения... Ой, мама!

Бидон понесся вниз, набирая безумную скорость. Я попыталась остановить взбесившуюся тележку. Куда там! Отча-

янно вращаясь, колеса скакали по кочкам. Глупо было рассчитывать на силу своих рук, господь обделил меня бицепсами и трицепсами. Выпустить из судорожно сжатых пальцев ручку я никак не могла. Конечно, так я сразу избавлюсь от баклажки, но в ту же секунду со всего размаха шлепнусь о землю и разобьюсь. Оставалось последнее средство – притормозить ногами. Выпрямив спину, я постаралась воткнуть пятки в землю. На секунду скорость уменьшилась. Я обрадовалась безмерно и удвоила усилия. Бидон подпрыгнул, рванулся вниз, я полетела за ним, ощущая, как ступни вспахивают рыхлую, сухую почву. Ветер свистел в ушах, пыль забивалась в глаза и нос, скрипела на зубах, а я моталась на конце ручки, словно старая тряпка на швабре. Сбоку опять мелькнула черная тень. Бах! Бидон проделал еще одну дыру в заборе, смял очередную порцию непонятных растений и со всего размаха врезался в стену избы. Я шлепнулась там же, где и вчера, но на сей раз оказалась не под баклажкой, а над ней. Бум! На мою голову обвалился с подоконника радиоприемник. Полнейшая тишина, воцарившаяся вокруг, была прервана звуком мотора. Мимо дачи на большой скорости промчался грузовик. Я попыталась встать. Ну надо же, до каких мелочей иногда повторяется ситуация. Опять я чуть не угодила под машину!

– «Не испытывай любовь!» – заорал вдруг транзистор, «оживая» после падения.

Я сползла с баклажки, встряхнулась, осторожно пошеве-

лила конечностями, потрясла головой и пришла в восторг. Скачки с бидоном опять закончились вполне благополучно.

– «Не так легко меня с земли убрать, – голосило радио, лежа в траве, – я утром оживу и вновь приду к тебе!»

Я подняла серебристый приемник, сдула с него пыль и, поставив бедолагу на подоконник, вздохнула:

– Ты прав, дорогой, нас с тобой так просто не убить.

– «Забудь про все, займись любовью, – надрывался певец, – уйди от всех забот!»

– Ну уж это не получится, – воскликнула я и поволокла баклажку к крыльцу, – кое о чем даже и мечтать не приходится!

Следующие три часа я посвятила поиску того, кто мог бы мне сообщить фамилию, отчество и место работы Федора. Сначала сбегала на пепелище, увидела там Мишу, занимавшегося мародерством, и велела ему:

– Коли заметишь машину погорельца, запомни ее номер и сообщи мне. А я за это дам тебе сто рублей.

– Пятьсот, – не растерялся Миша.

– Двести, – возмутилась я.

Сошлись мы с ним на трехстах, я побежала было в деревню и наткнулась на Томочку с Никитой, вышагивающих по дорожке. Подруга несла красный бидон, Никитос тащил пакет.

– Вилка, – удивилась Тамара, – ты что здесь делаешь? Ой, кажется, пожар случился! Ну и ну! Как гарью пахнет! Надо

же, как мы крепко спали, ничего не слышали, не иначе, отравились кислородом!

– А вы куда? – поинтересовалась я.

– В Немировку, – улыбнулась Тома, – ты же вчера нам молоко пообещала, а не принесла. Я подождала часов до шести и сама в деревню подалась. Нашла избу, где ты все оставила, сырники потом сделала. Вот сегодня опять свеженькое куплю. Почему у тебя такой вид?

– Какой? – попыталась улыбнуться я.

– Ужасный.

– Все нормально, – я мгновенно принялась фантазировать, – просто пишу новый детектив, из сельской жизни. Деревню знаю плохо, вот и брожу тут, осматриваюсь.

– Ага, – кивнула Тоμούся, – понятно. Тогда мы пошли.

Две фигурки двинулись в сторону Немировки. На секунду меня охватило беспокойство. Очень не люблю обманывать подругу и делаю это только в самых крайних случаях. Тамара наивна, словно трехлетний ребенок, и я некомфортно чувствую себя, солгав ей. Но, с другой стороны, правду сейчас говорить нельзя. У Томи слабое здоровье, она начнет нервничать. Потом я не совсем соврала. Мне и впрямь предстоит написать новую книгу, а в голове пусто, как в холодильнике перед зарплатой. Детектив о деревне я еще никогда не писала, следовательно, вполне могу изучать жизнь пейзажей.

Успокоив таким образом бунтующую совесть, я вернулась к нашей избе, потопталась во дворе, потом решительно на-

правилась к соседке Лене.

Через два часа я поняла: в Пырловке, в маленьком местечке, где жители знают друг про друга всю подноготную, о Федоре мне никто ничего сообщить не может. Ни Лена, ни продащица в магазине, ни кумушки, обсуждавшие на площади у лавки последние новости, ни почтальонша с огромной сумкой не знали даже его фамилию. Писем Федор не получал, в местный магазин не заглядывал, ни с кем не общался. Единственная, кто мог мне дать исчерпывающую информацию о нем, глава местной администрации, укатила на свадьбу к племяннице.

– Теперь раньше чем через две недели не явится, – смеялись местные сплетницы, – пока на поезде до Перми докатит, пока нагуляется, потом обратно потащится...

Так мне и не удалось ничего узнать, кроме того, что Федор врач. Причем специализацию парня не назвал никто, и оставалось лишь гадать, кто он: хирург, стоматолог или акушер-гинеколог. Сами понимаете, что номер больницы или поликлиники, где работал бирюк, также остался тайной за семью печатями.

Не понимая, что делать дальше, я вернулась в избу, прошла в свою комнату и стала наводить порядок: убрала постель, взяла со стула висевшие на нем джинсы, кофту, водолазку, футболку, хотела повесить их в шкаф и обнаружила в самом низу «пирога» из шмоток чужую джинсовую курточку, ту самую, которую забыла отдать Миле. На первый взгляд

она казалась старой, потертой и местами рваной. Я, конечно, не очень хорошо разбираюсь в одежде, скромные материальные средства не позволяют мне шляться по бутикам, поэтому ярлычок с надписью, выведенной золотыми буквами: «Морре», мне ни о чем не сказал. Но в нашей семье есть Кристина, страстная читательница всех мыслимых и немыслимых модных журналов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.